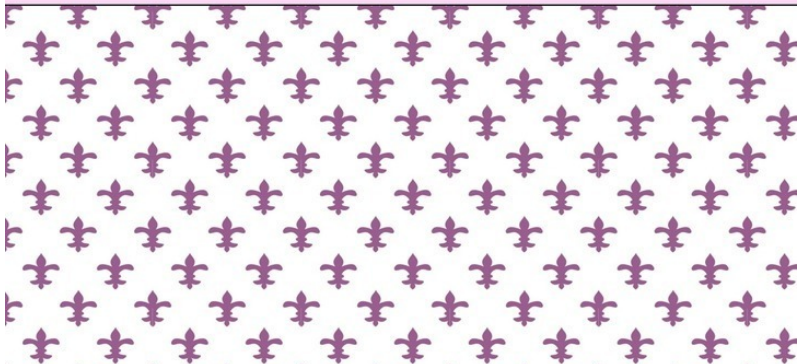


Александр Беляев

Эффект сто первой обезьяны

Хроники затомиса



Александр Беляев
Эффект сто первой
обезьяны. Хроники зтомиса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22169811

ISBN 9785448352232

Аннотация

История возникновения Земли, удивительной цивилизации, существовавшей миллионы лет назад, создания первой пары людей и роли во всем этом главной героини.

Содержание

Пролог	5
ГЛАВА 1. Все сначала?	13
ГЛАВА 2. В точке бифуркации	24
ГЛАВА 3. Два демиурга	32
ГЛАВА 4 Синклит	70
ГЛАВА 5. Буфер	91
ГЛАВА 6. Низвержение	103
Конец ознакомительного фрагмента.	132

**Эффект сто
первой обезьяны
Хроники затомиса
Александр Беляев**

© Александр Беляев, 2016

ISBN 978-5-4483-5223-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Точка... как точка? Да, точка. И все? Да, все, комментарии излишни...

Нет, из нее можно протянуть линию. Ого, это уже что-то, так, поехали... движение, перемещение, здорово! И сказал я, что это хорошо! Впрочем, движение куда? Не ясно. Из ниоткуда в никуда? Да, не очень впечатляет, но возможны варианты! А что если линию закрутить? Вот здорово, плоскость! Бесконечная темная плоскость, можно вправо, можно влево, можно вперед, можно назад, можно зигзагами... и сказал я, что это хорошо! Все равно не то! А дальше? Нет, тоже не впечатляет, одно и то же... ах вот оно что, плоскость можно вздыбить и закрутить! Ну, теперь совсем другое дело – бесконечный объем... трехмерность... можно вправо, можно влево, можно вверх, можно вниз – красота! И я сам уже нечто, не только снаружи, но и уже какой-то объем в окружающем объеме! Можно закружиться, можно завихриться, и пульсацией, и потоком, и кругом, и фигурно... а сам-то я кто? О, я уже кое что объемное – не совсем понятно что, но почему-то всплывает название «солитон». «Название», что это такое? Ах, да, я же ТВОРЯЩАЯ МЫСЛЬ, я есьмь, я могу творить нечто из ничего! Я называю понятие, и вот оно есьмь, так же как есьмь я! И сказал я, что это хорошо! Что-то вертеться-кружиться надоело! Нужны новые

впечатления. Что еще, кроме объема? Один объем назовем тьмой – и это один полюс, но есть противоположность, бинер, где есть тьма, там должен быть свет! Да отделиться свет от тьмы!!! О! Великолепно! Оказывается вращение, кружение в темном объеме – ничто по сравнению с созерцанием этого объема, перемещения по нему! Какие светила! Какие туманности, какие кометы!, как необъятен мир и прекрасна вселенная! И сказал я, что это хорошо! Моя вселенная! А моя ли?

Да, как же, после того, как я свой мир создал, ему уже нет дела до меня! Можно, конечно слетать – туда-сюда, к одному источнику света, к другому, войти в звезду... нет, нет, снова не то, опять повторы, кружиться надоело и в звездном веществе ничего интересного... нужно что-то еще, что-то мое, домашнее, родное, где можно остановиться, отдохнуть от трудов праведных... на седьмой день... Земля! Да, земля, одна из бесчисленных планет вселенной, существующих в пространстве-времени! Ну, разумеется, пространство-время – тоже моя выдумка, в действительности это – иллюзия, но без нее не отделить свет от тьмы, твердь земную от купола небесного, гладь морскую от тверди земной и купола небесного... вот она, моя родная, песчинка в бесконечном космическом пространстве! Ну что же, не я ли создал собственное пространство в бесконечности, чтобы в нужный момент свои масштабы ограничить? Вот уже и не песчинка, вот уже дали бескрайние, мои скалы, озера, реки... пу-

стыня, горы... и сказал я, что это хорошо! Нет, снова чего-то не хватает! Что же такое? Только что мне это нравилось, и вот вижу, что и моя Земля далека от совершенства. Облака... красиво, но мертво и как-то с общей идеей плоховато. Вечные переходы, переливы из пустого в порожнее. И ветер и волны морские и цунами и смерчи и молнии и вулканы – так и не ушли мы от космической неразберихи и хаоса. Что-то нужно еще... ну конечно же – растительное царство! Гениально, как я раньше не догадался! Впрочем, нужные условия только сейчас возникли. Так, вдохнем жизнь в эту былинку! Эх, ждать долго неохота, прокрутим внутри себя нужное время, введем малые циклы: годы, месяцы, дни. Настроим свой хроноскоп на восприятие малого и краткого: минуты, секунды, сантиметры, микроны. Великолепно! Какие леса, луга, травы, цветы! Вот где начинается пробуждаться гармония! Да, всю мертвую вселенную, ничью, бескрайнюю и раздробленную – за одну эту тайгу... эту сельву... эту рощицу... этот лужок! Ароматы... ах какие ароматы! А что такое ароматы? Ах да, я же сам их выдумал, теперь они крепко соединены с этими цветами... лугами... лесами! Какие венчики, пестики, лепестки! И так быстротечны! Только расцвел – уже увял, и дал плод, и плод сгнил и породил новое растение! Вот это уже цикл, смысл, движение! Не просто из неоткуда – в никуда, но совершенствование, эволюция – и так быстро! Не то, что кристаллы, хоть и в них я некоторую жизнь вдохнул. И ведь отвечают

они, эти зеленые терема, что-то мне шепчут, чем-то делятся. И сказал я, что это хорошо! Правда, скудноватенько делятся, да и, честно признаться, смысл и цикл их весьма убог по большому счету – одно и то же у всех и все по клише, по раз заведенному стандарту с незначительными отклонениями. Нет, это не венец совершенства, весьма бессмысленное мельтешение на ветру. А отдача? Так же минимальна и однообразна. Нет, этого явно недостаточно, нужно что-то еще... вот только что? Ура! Нашел! Нужно заселить этот край животным царством! Так, вдыхаем в эту биомассу животную силу... прокручиваем несколько миллионов лет... назовем этот цикл пятым днем. Ура! Ну вот это – совсем другое дело! Забегали, зашевелились, а какая отдача пошла! Как они лучат! Как изменяются ежесекундно и какая внутренняя игра! Да они же реагируют на внешний мир и пытаются подстроиться под него, пытаются адекватно на него реагировать! Правда пока все на очень примитивном уровне. Есть раздражитель – есть ответ. Нет раздражителя – и забыли о нем. Правда со временем у них накапливается немало и внутренних раздражителей. Кажется у них появились новые качества: радость – страдание – то, чего не было у растений. Нет, ну это даже совсем не биомасса, они чувствуют свою отдельность, они пытаются утвердить свою отдельность в этом мире. Правда, к сожалению чаще за счет других, более слабых. Стоп, вот этого я совсем не предвидел, им что, мало солнечной энергии и бесчувственных растений?! За-

чем пополнять свою биомассу за счет себе подобных?! Так, они едят друг друга, хорошо хоть не все, только отдельные виды. А можно ли что-то изменить? Увы – уже нельзя, сам затеял эту игру с пространством, временем, последовательностью, причинно-следственными цепочками внутри бесконечности. И ничего не открутить – по условиям игры в прошлом ничего менять нельзя, иначе весь мой мир рухнет и все придется начинать сначала. А где гарантия, что еще больше ошибок не наделаю? Насколько проще в энергетических мирах – лепи, что хочешь – и никакой ответственности – прошлое, настоящее, будущее... да еще – целая куча этих прошлых, настоящих, будущих. И все просто – перемещайся, сколько хочешь и на какой угодно отрезок вдоль луча, и делай там что хочешь. Просто появляется еще один луч, еще одна последовательность, вдоль которой снова можно путешествовать, поскольку скорость демиурга-солитона не ограничена, а у луча – ограничена. А в том мире, который я создал – все не так, там луч света – конечная скорость и пространство как бы одно, а следовательно и время как бы одно. А если все это изменить – значит – зря старался целую Манавантару! Рановато я дал им самостоятельность, нужно было повременить – а прямой контакт с деревьями и животными невозможен, они лишены разума! Придется какому-то виду разум дать. Какому бы? К сожалению – пока не кому! Так, нужны млекопитающие, из них со временем сформировать приматов, из них – человека. Увы, от хищничества уже

никуда не деться, не получилось их не то что на светодиоде сохранить, но даже на вегетарианстве! Опять какой-то сбой произошел. Похоже в мой проект кто-то со стороны вмешаться начал. Чувствую – то тут, то там приходят импульсы извне и вносят помехи в мой провиденциальный план. Этаким компьютерный вирус! И ведь как маскируется! Никкак мне его вычислить не удастся, а ведь никто из НАШИХ предложения синхронизироваться не давал! Влез без спроса и начал артефакты вбрасывать! Ладно, рано или поздно я его вычислю! Собственно, чего я так расстроился? В этом даже определенная прелесть есть, придает игре остроту. Разумеется, сам же столько ограничений на себя наложил: тут тебе и карма и причинность – не удивительно что игра мне все меньше и меньше подчиняется и от уровня к уровню все труднее и труднее переходить! Идет сама по себе, как ей вздумается, и не оставляет мне возможности в нужном направлении ситуацию скоординировать. Нет, я могу, конечно, дополнительные факторы в категорию настоящего вписать, но опять же время от времени в процессе развития получается вовсе не то, что я хотел. А, собственно, чего я на кого-то там жалуясь! Жаловаться нужно на самого себя! Самому надоело создание бесчисленных энергетических миров без иллюзии пространства-времени и без жесткой последовательности и причинности! Решил соригинальничать, да еще защиту плохую поставил, что позволило кому-то еще в мою программу влезть и артефакты вбрасывать. Сам-то я разве

мог такое допустить, чтобы живые существа есть друг друга начали? Да и со смертью – явно этот инкогнито постарался, сам бы я ни в жисть не догадался такое ограничение ввести. А впрочем... если бы не смерть, то скоро моим биологическим существам негде жить стало. Что ж, возможно это и неплохая идея, стоит признаться, что мой инкогнито иногда подбрасывает хоть и трудно приемлемые, но вполне рациональные категории бытия, при этом не надо себя корить за то, что именно я ввел эти самые категории, противоречащие моим этическим аксиомам. Кстати, и поедание себе подобных, при всей отвратительности сего факта, имеет положительные стороны – весьма существенный фактор естественного отбора. Слабые и больные гибнут, как это ни прискорбно, сильные и здоровые выживают. Евгеника, понимаешь! И это ведет к значительному эволюционному прогрессу! Что ж, еще раз вынужден признать: мой инкогнито все чаще и чаще вносит весьма полезные корректировки в мой Провиденциальный план. Я, в силу моих этических императивов, никогда на это бы не решился, а нерешительность возможно привела бы к катастрофе и еще большему количеству жертв. Да, тяжело работать самому, поставив себя в жесткие рамки, и как не стыдно себе признаться, мне этот инкогнито во многом помог. Сколь бы его методы мне не нравились... неужели я такой конформист? Боюсь, что да, что-то я слишком самонадеянно взялся за эту новую игру, которой, по-видимому, прежде аналогов не было. Думал, что все

пройдет так же гладко, как с энергетическими мирами, ан нет, установка принципа свободы выбора заметно усложнило ситуацию. Да, кстати, я же на идее создания Homo sapiens остановился. Нет надо дать себе передышку, слишком ответственно, надо все продумать, взвесить с первым разумным существом на Земле. Нельзя пороть горячку, иначе прежние ошибки натворю, и этот вид в дальнейшем такого напортачит, что небо в овчинку покажется. Ох... как кстати кто-то в мою искусственную реальность стучится, просит синхронизации. Похоже, Хроно, мой друг и в прошлом – наставник. Опять ему в своих реальностях нейдет, нужно в самый ключевой момент постучаться. Впрочем, на этот раз я лукавлю, сейчас он вовремя. Я как раз собирался передышку устроить: седьмой день... шаббат... так что нечего ворчать, есть хотя бы возможность не показав своей беспомощности под уважительным предлогом игру прервать. Так, ставим программу ожидания... выходим из системы... превед, давно не виделись...

ГЛАВА 1. Все сначала?

Щелчок... Аня осознала свою личность и поняла: перед осознанием себя, неопределенное время она пребывала кем-то другим, безмерно могущественным. Господом Богом? Творцом мира? Тут только до нее дошло, что поток информации, который мы тут бледненько изобразили в форме монолога неведомого существа (или не существа вовсе – некоего Космического Разума?) воспринимался именно ее сознанием, но на фоне этих грандиозных картин-ощущений она совершенно забыла о своей настоящей личности и видела себя кем-то вроде создателя вселенной, и в том числе нашей матушки-земли. Когда же поток видений и странный монолог-комментарий прекратился, Аня поняла, что снова стала самой собой, если понятие «самой собой» применимо к астральной сущности, энергоинформационному шельту, который висит в полной темноте и ничего не видит и не слышит вокруг.

– Чье же это сознание было? – ломала себе голову Аня, – или я испытала что-то вроде состояния Савитарка Самадхи и слилась со вселенским сознанием Творца? Правда показалось, что все как-то камерно выглядело, не зря несколько раз прозвучало слово «игра». Словно бы в каком-то грандиозном фильме первые страницы библии запечатлены, возможно более развернуто, современно, в библии ведь ничего

не было сказано о точке, прямой, плоскости. Да и о макро вселенной тоже, но что касается сотворения земли – некоторое сходство налицо. И так же фраза «И сказал Он, что это хорошо». На чем мы там остановились? Ах да, на размышлениях о создании человека. Правда в этом варианте человека все же собираются не из глины создавать, а из обезьяны – то есть дать обезьяне разум или что-то в этом роде. Так, эта темнота начинает меня раздражать! Где же я нахожусь? Вроде бы с сотворением земли и жизни на земле закончено, теперь бы узнать где я? А где я была до этого?

Тут в сознании Ани, как вспышка, возникло все то, что происходило с ней до того, как она вторглась в чужую грандиозную реальность (перед ней действительно словно бы прокрутились миллиарды и миллиарды лет, но теперь в памяти все сжалось до каких-то часа-двух). Она была на берегу моря Вечности и беседовала с удивительным существом четвертой расы – атлантом, который в некоторой мере (в какой – не совсем понятно) являлся очень древней инкарнацией Андрея Данилова. Тут она вспомнила, что этот сверх-Андрей предложил ей экскурс в далекое прошлое, в бытие древнейшего представителя третьей расы, лимурийца, в момент какой-то бифуркации... более подробно она не помнила, но была уверена, что как раз это-то и предстоит ей вспомнить.

Неожиданно Аня почувствовала что в ее сознании включилось какое-то новое качество и она поняла, что находит-

ся в чем-то и явно не своем физическом теле. Причем, явно не человеческом, громадном, при этом не может пошевелить ни рукой, ни ногой, ни глазами и веками. Тут она без всяких усилий со своей стороны начала видеть окружающее, но не обычным физическим зрением, поскольку глаза ее нового тела были закрыты, а астральным, к которому она давно привыкла. Она продолжала оставаться в полной тьме, но только теперь эта тьма не была для нее помехой. Аня разглядела большой каменный зал, не имеющий ни входа, ни выхода и было даже не ясно, естественного они или искусственного происхождения. Нет, все-таки, похоже, естественного, эти неровные, неправильные стены не носили следов рукотворности и выглядели как необработанная скала. (Если бы Аня знала историю Андрея, описанную нами в шестой-седьмой книгах цикла, то она поняла бы, где находится – точно так же выглядела Сомати-пещера, в которой неведомое количество времени просидел атлант Тор во время апокалипсиса).

Аня сместила свое зрение вниз: высота с которой она увидела каменный пол и свои нечеловеческие конечности ее поразила. Голова этого существа («а ведь это я!» – с ужасом подумала наша героиня) находилась где-то на высоте 5—6 метров, при том, что тело сидело на полу в странной, невозможной для человека позе. Тут только Аня поняла, почему такая поза для человека невозможна: так могло сидеть только существо у которого коленки на задних конечностях поверну-

ты назад, как у кузнечика (в голове, как издевка, прозвучала дурацкая песенка, которую в шестидесятых годах часто пели в туристических походах: «На муромской дороженьке сидел, чему-то рад, Кузнечик очень маленький Коленками назад.»)

Нет, какой там маленький! Аня окинула взором мощные трехпалые ноги, к тому же покрытые чешуей. Это существо, если бы выпрямилось во весь рост достигало бы не менее 8—9 метров, то есть в два раза крупнее атланта, который совсем недавно поразил ее своими размерами, хотя размеры в астрале – понятие весьма условное. Да, атлант хоть и не являлся человеком, однако, судя по всему был куда более человекообразным, чем то существо, в котором неведомым образом оказалось Анино сознание.

– Это же просто динозавр какой-то, – подумала наша героиня, – ноги мощные, трехпалые, а руки – напротив тоненькие, редуцированные, нефункциональные – не намного больше, чем у тиранозавра, словно они и не особенно часто нужны этому существу. А морда у меня теперь тоже как у ящера? С гигантскими челюстями, полуметровыми зубами и черепной коробкой, скрывающей мозг размером с орех?

Она попыталась рассмотреть свое лицо, но установила только, что лицо ее все же не вытянуто как у ящера – какого-нибудь аллозавра – иначе она бы увидела свои далеко выступающие челюсти.

– Значит лицо все же более человекоподобное, чем мне вначале показалось, – подумала Аня, – может все же попытаюсь ощутить свое новое тело, чтобы более объективные представления о нем иметь?

Увы, тело, как выяснилось, абсолютно не подчинялось ее воле, да и вообще, хоть ее сознание и пребывало в этом теле, чувствовала она себя здесь абсолютно посторонней. С тем же успехом ее сознание могло поместиться в камень и созерцать окружающее как бы с его ракурса.

– Что бы это могло значить? – подумала Аня, – души и шельта в этом теле явно не ощущается. Может это труп? Но почему труп находится в сидячем положении, к тому же никаких признаков гниения. Нет, жизненная субстанция здесь явно ощущается, хоть и функционирует еле-еле. Не жизнь – не смерть, похоже – анабиоз. Ну и зачем я здесь? Что же я теперь до скончания века в этом безжизненном неподвижном теле останусь? И потом, где мой проводник, атлант Тор? Это ведь он меня сюда пригласил!

Вдруг, словно воспоминания об атланте дошли до своего адресата, Аня ощутила что-то вроде толчка в спину, и в тот же момент вылетела из огромного, холодного, словно бы каменного тела. Свобода! Впрочем, свобода оказалась относительной, ее по-прежнему окружали каменные своды весьма просторного зала без малейшего намека на выход. В подобном помещении она уже однажды побывала в самом начале своего путешествия по изнанке. Теперь Аня свободно

перемещалась, она снова приняла образ inferнальной демоницы, покрытой вместо одежды тонким слоем инфраматалла и могла уже более подробно осмотреть пещерный зал и громадное существо, сидящее на тонкой циновке в странной позе с вывернутыми ногами. Да, пожалуй если даже взрослого слона поставить на задние ноги, то он бы едва достигал плеча странному созданию, представлявшему из себя помесь человека-великана и прямоходящего динозавра. С одной стороны лицо имело сходство с человеческим, кроме того присутствовал огромный лоб и черепная коробка, явно вмещавшая в себя мозг размером с первую модель Запорожца. Правда, в отличие от атланта, глаза существа были маленькими, похоже даже плохо развитыми и странный открытый нос со спиральной носовой перегородкой, и почти полное отсутствие ушей – только какие-то костяные наросты. В отличие от гладкой, словно бы дельфиновой кожи атланта, наружный покров этого существа напоминал панцирь из роговых чешуек, возможно не очень твердых, как у ящерицы, явно предохраняющих кожу от высыхания. Что добавить еще? Сложение так же носило черты как человека, так и ящера. С одной стороны короткий тупой хвост и позвонки с мелкими частыми гребнями, с другой – форма грудной клетки и живота больше походили на человеческие, то есть туловище выглядело достаточно плоским и несомненно существо стояло и передвигалось гораздо прямее, чем какой-нибудь аллозавр или Т-Рекс. Несмотря на преобладание

нечеловеческих черт, существо несло на себе печать высокой разумности, а в выражении спокойного расслабленного лица было что-то от древних статуй Будды Шакья Муни или Бон-по. Тут сознание и память Ани еще более прояснились, и она подробно восстановила разговор с атлантом, в частности о том, что великан Иего относился к расе лимурийцев, разумных существ, представляющих собой биологических потомков динозавров, живших с ними в одну эпоху, примерно в ту же эпоху и исчезнувших с лица земли в результате общепланетарной катастрофы (кажется тогда в землю врезался гигантский кусок льда). Но самое главное – из объяснений Тора выходило, что этот лимуриец со странным именем Иего (то ли одно из имен израильского Бога Иегова произошло от этого имени, то ли случайное совпадение) был как бы первым Аниным воплощением на земле, как атлант Тор являлся воплощением Андрея. Правда с этими воплощениями что-то было не так. Это чувствовалось и в интонации Тора, словно он далеко не все договаривает, да и сама Аня это интуитивно ощущала. В частности, когда она очнулась в теле Иего и включилась в поток сознания неведомого ей существа, она явственно ощущала, что это не ее память, как не может быть памятью телевизора та трансляция, которая идет в данный момент на экране. Она никак не могла осознать себя преемницей лимурийца, однако же какое-то родство все же теплелось. Потом, когда она осознала себя в чужом теле, то было чувство, что истинный владелец временно его покинул,

а она – гость, которого хозяин впустил для неведомой цели в свое отсутствие, но так и не удосужился представиться в истинном облике своего шельта, а лишь на время подключил к потоку своих воспоминаний. Впрочем, все это могли быть и реальные текущие переживания. Имели ли они отношение к ее Земле было не понятно, как непонятна истинная природа самого существа. Аня интуитивно чувствовала, что и с внешним обликом Иего не все так просто.

– Как-то не правдоподобно: – думала наша героиня, – динозавр медитирующий на циновке из травы Куша (Иего и правда сидел на травяной циновке) и прозревающий высшие трансцендентальные миры вселенского масштаба. Что-то в этом противоестественное.

Тут она каким-то внутренним инструментом, присущим ее шельту и заменяющим осязание, на расстоянии почувствовала, что это существо буквально превратилось в камень, как физический объект, но при определенных обстоятельствах снова способный стать живой плотью. В ее памяти неожиданно всплыло слово «Анабиотическое Сомати» и она поняла, что данное существо способно провести в каменной неподвижности миллионы лет, в то время как душа его будет свободно парить в энергоинформационных мирах, тем не менее не теряя полной связи со своим телом и способная вернуться и оживить его при определенных условиях – и это не была смерть – скорее – консервация. Что за условия и обстоятельства Аня так и не смогла выяснить из космиче-

ского банка всеобщей информации, однако стало понятно, что Аня в своем нынешнем состоянии не является шельтом, одухотворяющим тело лимурийца, шельт его отсутствовал, и Аня никак не могла быть хозяйкой этой гигантской плоти.

— Значит, — подумала она, — атлант меня дезинформировал, это не моя инкарнация. Но тогда что я здесь делаю и какое отношение к этому великану имею? Остается только надеяться на то, что в конечном счете мне эту ситуацию кто-то разъяснит, а иначе зачем меня сюда забросили? То что Тор какую-то бифуркацию событий упоминал ничего мне пока не объясняет. Все лишь одни намеки на мою особую вселенскую миссию, но пока эта моя миссия ни на йоту яснее не стала.

Она постаралась нащупать местонахождение истинного хозяина сидящего перед ней тела-статуи, но наткнулась на жесткий барьер: с ней явно не желали контактировать, хоть еще не так давно милостиво допустили до переживаний этой неведомой души. Аня еще раз обследовала пещеру: ничего интересного в ней не оказалось, не было даже привычных для подземных залов сталактитов и сталагмитов, очевидно этот склеп был настолько герметичен, что даже вода не могла сюда просочиться, и в этом случае не ясно было, как этот гигант мог здесь оказаться естественным путем — разве что обладал способностью проходить через материальные объекты, как это делала Аня еще в свою земную бытность. А что здесь не было воздуха, так похоже в анабиоти-

ческом состоянии этому организму воздух был не нужен, наоборот, отсутствие воздуха создавало эффект стерилизации, который вполне благоприятствовал консервации биологической плоти.

– Значит так, – подумала Аня, – оставаться здесь нет никакого резона и пора покинуть этот таинственный зал, гораздо важнее оказаться на верху и разобраться с эпохой. Тор говорил что-то об очень древних временах. Будем надеется, что все же появится кто-то, кто объяснит мне, что все это значит.

Проходить сквозь материальные объекты было для Ани не впервой, поэтому она взвилась к высокому своду естественного каземата и, почти не испытывая сопротивления вошла в камень. Внутри каменной толщи видимость для астрального зрения осталась прежней, возможно это было связано с тем, что в действительности Анин шельт перемещался не в самом Энрофе, а в ближайшем к нему отражении, полностью Энроф копирующем. Зрение Ани работало, как компьютерный томограф, в зависимости от фокусировки выхватывающий то один, то другой участок внутренней структуры камня. Камень был неоднороден, содержал множество вкраплений, каверн и друз каких-то минералов, но упорядочить что-то в этом хаосе нагромождений было трудно. Порой Ане казалось, что в поле зрения попадают странные артефакты, напоминающие нечто рукотворное, но каким образом они оказались в толще камня? В частности Ане не раз

попадались на глаза причудливые сложные механизмы, сделанные из материала наподобие металлокерамики, словно памятники неведомой цивилизации, обладающей невероятными технологиями.

Необычный подъем из каменных недр продолжался около получаса, затем камень закончился и без всякого перехода Аня очутилась под куполом яркого голубого неба, правда свет не резал глаза и никакого изменения температурного режима девушка не почувствовала. Но это и понятно: астральное тело не способно чувствовать ни жары ни холода, да к тому же реально Аня находилась не в самом физическом пространстве, а в его точном астральном отражении.

ГЛАВА 2. В точке бифуркации

Наша путешественница стояла на средней высоты горном пике, ее окружали только серые камни, не было даже намека на растительность, а вокруг простирался горный пейзаж в окружении бескрайней пустыни от горизонта до горизонта. И никаких человеческих поселений и вообще чего-то живого, разве что кое-где корчились темные кустики верблюжьей колючки и невысокие безлистые деревца-саксаулы. Особое Анино чутье, сродни человеческой интуиции, только более управляемое, подсказывало ей, что людей сейчас нет не только в обозримом пространстве, но и далеко за его пределами. Впрочем, есть ли на земле в данное время человечество, она не могла сказать с полной уверенностью.

– Час от часу не легче, – подумала Аня, – куда же это меня занесло?

Она силилась припомнить все, что ей удалось прочитать по географической тематике за тот короткий отрезок разумной жизни, который она провела на земле, поскольку географию в школе на момент ее трансформации она еще не изучала. Увы, ее земных знаний для установления места своего нахождения ей явно не хватало. Было ясно что это широта, близкая к экватору, судя по пустыне и солнцу в зените, но ничего более точного к ней в голову не приходило. А интуиция, порой обостряющаяся у нее до точного знания,

на данный момент ничем о своем присутствии не напоминала.

– Даже животных не видно, – подумала Аня, – так бы можно было хотя бы приблизительно эпоху установить. Если бы на глаза попался хоть один динозавр, было бы ясно, что речь идет о древности в десятки, а то и сотни миллионов лет до нашей эры. Иего ведь, похоже, был современником динозавров. Но что-то мне подсказывает, что сейчас не Юрский период.

– Нет, не Юрский, не Меловой, и не Триас, – услышала она вроде бы знакомый, но одновременно и измененный голос. Словно раньше этот тембр был значительно выше, как у ребенка, но теперь понизился до звонкого юношеского тенора. Тут Аня поняла, что голос этот звучит в ее сознании, и это лишь телепатическая имитация реального тембра, когда-то, в другой жизни слышанного ею на земле.

– Варфуша!!

Аня резко обернулась: увы, это был не Варфуша. И все же, поскольку зрение ее шельта выявляло не только внешний астральный образ – часто зыбкий и изменчивый, в этом стройном юноше в коротком греческом хитоне, высоких сандалиях и золотой шапке с весело жужжащими, как у колибри, крылышками, она без труда разглядела индивидуальный частотный маячок, который когда-то, в далеком прошлом, а правильнее теперь – в несравненно более далеком будущем принадлежал трогательному взлохмоченному существу в бе-

лой косоворотке, холщевых штанишках, размером с куклу, которая говорит «мама». Уж что общего могло быть между этим олимпийским красавцем из греческого пантеона и маленьким взлохмаченным домовым сказать трудно, однако Анино зрение, пройдя краткую перестройку стало как бы видеть двух существ в одном, они словно бы мерцали, превращаясь из одного в другого и от этих мгновенных изменений у Ани зарябило в глазах, она инстинктивно закрыла лицо руками, однако это не помогло и странное мерцание продолжало видеться сквозь ладони.

– Варфуша? – удивился загорелый юноша, – увы, Варфуши еще нет на земле, и не факт, что будет, хотя потенция очевидна. Все зависит от системы выборов, которые произойдут в далеком будущем. Альтернативные потоки еще не сформировались, есть лишь силы, которые находятся в постоянном взаимодействии и создают напряжение в том или ином месте Провиденциального плана и не всегда характер этих напряжений складывается в желательном направлении. Тот альтернативный вариант грядущего, в котором появится домовый Варфуша и встретит через много лет маленькую девочку Аню, чтобы учить ее науке живого мира хотя и очень трогателен, и отзывается трепетной ностальгией в твоём сердце, в общепланетарном масштабе означает лишь то, что события в этом мире будут разворачиваться не по самому лучшему сценарию. Могу тебе сказать, что многие могущественные силы борются за то, чтобы будущая история складыва-

лась по-иному. Для всего грядущего человечества такой путь развития гораздо желательнее, но в случае его реализации вынужден тебя огорчить: тогда не будет трогательного домовенка Варфуши, а останется посланник богов Гермес. Кстати, греческая мода на хитоны и соответствующий антураж воцарятся на земле через много тысячелетий не без моего скромного участия. Я всегда был немного франтом.

– Послушайте, Гермес... Великий солитон, – неожиданно вырвалось у Ани незнакомое прежде обращение, – вы бы могли принять какой-то один образ, а то у меня в глазах рябит. Может, конечно, это просто мои зрительные аберрации, но мне никак не удастся добиться устойчивого изображения.

– Это не твои аберрации, – лучезарно улыбнулся голливудской улыбкой юноша, – дело в том, что мы находимся в причинной бифуркации, когда закладываются семена дальнейших событий, и какой росток окажется более жизнеспособным и сможет заглушить другие – еще вопрос. В этом ключевом локусе еще не ясно, появится ли в будущем домовой Варфуша, или он так и останется посланцем богов Гермесом, либо за ним на долгие века закрепится прозвище Агасфер. Существует множество других версий и потенций: бифуркация, в которой мы с тобой оказались, поистине грандиозна и представляет собой не веточку, из которой намечаются два росточка, но глобальную матрицу из которой способны появиться множество филл, являющих собой целый фонтан вероятностей. Чуть вперед – и все определится, чуть

назад и снова возможности не избраны окончательно. Мы сейчас с тобой пребываем в частном аспекте глобальной бифуркации, и два возможных потока находятся совсем близко друг от друга в каузальном поле, так что почти соприкасаются. В таком соседстве мое состояние неустойчиво и я постоянно совершаю спиновые переходы с одной орбиты на другую. С образа Гермеса – в образ Варфуши – и наоборот.

– А как же я? – опустила Аня глаза, уставшие от мерцания ее собеседника.

– Посмотри на себя, – улыбнулся юноша, в той фазе, в которой ты находишься рядом со мной, образ твой не меняется.

– Аня осмотрела себя: каким-то образом из прекрасной демоницы, облаченной в инфраметалл, она превратилась в девочку-мечту: ...разве не этого платица снег как дуновение вился во сне? Разве не этот полуовал прутиком вереска я рисовал?

Платице ее чем-то напоминало морскую пену, которая художественно облекало стройную фигурку морской наяды.

– Что-то от моря во мне, – удивленно перевела взгляд на Гермеса Аня, – ноя всегда боялась воды. Даже в астрале, хоть знала, что там утонуть невозможно. А сейчас? Сейчас я совсем не боюсь воды... моря... даже наверное могла бы там жить. Странно, и это на сухом камне, посреди сухой пустыни. А у моря Вечности – такого ласкового и кроткого, я всегда ощущала себя чуждой водной стихии.

– А теперь снова взгляни на себя...

в этот момент внутреннее состояние Ани изменилось, она опустила глаза... та же девочка, но только белое платье уже не носила следов морской стихии, и хоть облик ее изменился мало, ощущение, что она морская наяда исчезло, и восстановилось более привычное, в котором большие водоемы внушали ей чувство тревоги.

– Это две микрофазы – сказал Гермес, – но только в этом участке бифуркации. В действительности их гораздо больше, как и у меня, просто мы лучше знаем друг друга в этих микрофазах.

– А можно к чему-то одному прийти, – поежилась Аня.

– Для этого нужно выйти из бифуркации. Но тебя для того и пригласил сюда наш общий друг, чтобы в магистральном пути не совершилась великая беда. А пока придется мириться с подобными мелкими неудобствами. Кстати, ты меняешься совсем незначительно, просто в одном случае на другом конце причинно-следственной цепочки ты тонула и спаслась буквально чудом, в другом – ты полюбила море всей душой и посвятила ему свою жизнь. Но сейчас это видится лишь в одной из миллиона возможностей.

Аня поморщилась от постоянно меняющегося ощущения. В одном варианте ей хотелось тут же без проволочек отправиться на поиски моря, в другом – ставить все как есть без изменения, поскольку ей вдруг начинала нравиться эта знойная бескрайняя равнина и эти древние выветренные горы.

– Скажи, – посмотрела она в золотые глаза Гермеса, – что это за место, и почему так пустынно и нет даже намека на присутствие человека? Конечно, в пустыне человек – редкий гость, но бедуины всю жизнь живут в пустыне, кочуя с места на место. И потом я не знала раньше, что среди пустыни может быть целый горный хребет.

– Нет еще бедуинов и человечества нет, – загадочно посмотрел на Аню ее собеседник.

– А динозавров? – Аня все еще находилась под впечатлением громадного получеловека-полудинозавра.

– А динозавров уже нет, – почему-то вздохнул Гермес, Впрочем есть альтернативные потоки, где они живы и по сей день. Что же касается места... что ж, могу сказать, что место это пока не названо человеком, поскольку такового пока не существует. Можно только сказать, что этот материк при любом раскладе назовут Африкой, и географически эта пустыня находится вблизи другого гигантского материка, возникшего после того как разъехалась Пангея. Этот материк впоследствии назовут Азией. Что же касается более детальных уточнений географической точки, где мы с тобой находимся, то я не могу из назвать... разве что – Ближний восток...

тут в Анином сознании словно бы произошла странная подвижка, она увидела ту местность, ту гору, на которой они стояли с некоторого расстояния словно бы и не своими глазами, узнала эту гору, и совершенно неожиданно уста ее про-

изнесли:

– Это же Синай... гора Моисея! Здесь же израильский пророк скрижали с десятью заповедями получил!

Гермес, доселе хранивший легкую улыбку на лице и державшийся весьма расслабленно, неожиданно напрягся, лицо его приняло крайне удивленное выражение и он словно бы через силу, чему-то сопротивляясь, проговорил сдавленным голосом:

– ТЫ СКАЗАЛА...

В этот момент мир померк перед Аниными глазами, она почувствовала, что ее словно бы выстреливает куда-то вверх, а в голове прозвучали слова, которые она, казалось бы, не собиралась произносить:

– Ну вот, спиновый скачок. Итак, превед, давно не виделись! Полная синхронизация!

ГЛАВА 3. Два демиурга

В реальности синхронизации Иего вынырнул мгновенно, поскольку знал, что если с этим замешкаться, то с внешностью, которая принята в месте встреч – реальности синхронизации – могут произойти досадные недоделки (как правило что-то перетягивается из личной творческой мини-реальности). Так вместо приличного покрытого гибким панцирем хвостатого тела могло получиться нечто покрытое гладкой кожей с коленками неестественно вывернутыми вперед, да еще с бессмысленным добавочным покрытием, которое именуется одеждой. Еще могло получиться заросшее волосами и бородой лицо – именно этот образ он выдумал для себя в творческой мини-реальности, где он волен распоряжаться полностью по своему усмотрению. Хотя, как правило, образ, в случае если участник синхронизации тянул с нырком, прихватывался не полностью, а местами. Сейчас, правда, вроде бы у него получилось все, как по инструкции: приличный человеко-динозавр. Так кто бы сомневался, он уже не мальчик и способен провести спиновую трансформу без сучка и задоринки. Хотя... все же что-то не так. Ах да, все же нимб над головой прихватил – этакое колечко сияющее. Ну – не беда, сейчас уберем... обидно то, что его соратник и бывший наставник Хроно это наверняка заметил и подумает, что он, Иего, нуждается еще в определенных нара-

ботках. А ему просто не до этих мелочей, он поглощен новой идеей и неожиданными трудностями, возникшими во время ее осуществления... Впрочем до осуществления он еще ох как далек! Да еще этот неизвестный, вторгшийся в его творческую мини-реальность без всякого предложения... ладно, об этом особо стоит с бывшим наставником переговорить. Тот наверняка все своими энергоинформационными мирами развлекается, где все так просто, предсказуемо и управляемо. А главное – если что не так – можно в любой момент откатать по временной шкале назад и запустить по-новой с нужными корректировками. А вот загнуть такое, что он загнул – это вряд ли кому в голову придет, коллеги всегда говорили, что у него не стандартное мышление.

Иего раскрыл свои физические глаза (сколько же он их не раскрывал, даже и не припомнишь! В последнее время синхронизации происходят все реже и реже, лимурийцы со своими творческими мини-реальностями все больше удаляются друг от друга, общих идей все меньше, каждый старается решить проблемы своими силами, и разве что наставнику с учеником есть что обсудить, а тот, кто вышел на самостоятельное творение, тот часто совсем забывает о реальности синхронизации и интерес к общению с соплеменниками в едином пространстве бытия все больше угасает. Не к добру все это! Исчезнут они скоро как единая раса. И к чему это приведет? Они всего не знают, а вдруг общая реальность, если станет никому не нужна, возьмет и самоликвидируется?

И он сам не лучше других, может даже хуже – даже в первый момент захотел воспротивиться синхронизации – так его новая идея увлекла! А ведь отчуждение ни к чему хорошему не приводит, он уже не раз в этом убеждался и знает, что несогласованное творчество может нарушить Великое Равновесие. Интересно – кто мог ввести и главное – контролирует этот глобальный принцип? Он до сих пор не знает. Это ведь додуматься до того, что существует Некто Высший над ними, Великими демиургами-лимурийцами, творящими мини-реальности, как мыльные пузыри. Нет, конечно, не как пузыри. Все же любая сотворенная мини-реальность штука серьезная, устойчивая до какого-то момента и обязана вписаться в систему других реальностей и координат. Но как-то трудно верится, что это само по себе происходит, кто-то ведь должен осуществлять контроль за всем этим постоянно разрастающимся хозяйством и не допустить его коллапсирования. Ладно, хватит, а то так можно до Верховного Творца додуматься, а это, говорят, доводит до полной аннигиляции сознания. Впрочем, до сих пор ничего подобного не происходило.)

Итак, Иего открыл глаза и его взору представилась знакомая картина, которую он наблюдал миллионы лет, время от времени вступая в контакты со своими соплеменниками. Правда в последнее время это происходило все реже и реже. Как, наверное, догадался читатель, Иего был представителем удивительной расы человеко-динозавров. Впрочем устойчи-

вость их облика уже многие миллионы лет была весьма относительной, и скорее представляла собой некую общепринятую внешность для контакта, поскольку лимурийцы легко могли менять не только свою внешность, но и окружающую реальность, при этом зашли в этой области настолько далеко, что со временем их общее пространство, удерживаемое в фундаментальном поле изначально установленными точками сборки, вообще потеряло свою устойчивость. Для того, чтобы общаться с себе подобными, нужно было специально договариваться о синхронизации полей, чтобы вместе выныривать в едином пространственном локусе, принятым после долгих согласований для всех лимурийцев. Локус этот соответствовал их древней прародине – Урании. Когда-то до того как стать величайшимидемиургами-иерофантами,творящими собственные миры, раса лимурийцев жила в единой реальности и не нуждалась в синхронизации. Поскольку лимурийцы являлись дальними потомками динозавров, Урания представляла собой нечто схожее с миром, хорошо известному современному читателю по картине Стивена Спилберга «Парк Юрского периода». Впрочем, возможно, пример не совсем верный, поскольку в реальном Юрском периоде растительность была в основном представлена гигантскими папоротниками, гигантскими хвойными, наподобие секвой, а не просто пышной тропической сельвой.

Иего сидел в медитативной позе, подогнув под себя особым образом ноги, которые, как мы помним по прежнему

описанию, были устроены подобно ногам древних двуногих ящеров – коленками назад (хотя в действительности это были не коленки а сильно вытянутый голеностоп и то, что мы называем «коленкой» в действительности являлось пяткой). Первое на чем установился взгляд его телесного зрения после Бог знает какого времени пребывания в иной реальности – это очень похожий на него и сложением и лицом человеко-динозавр, сидящий в точно такой же позе и внимательно глядящий ему в лицо. Это был его самый близкий друг и в прошлом наставник Хроно, с которым в последний раз они виделись несколько тысячелетий назад. Впрочем на самом деле о времени, как абсолютной мере говорить в их понимании было смешно, поскольку в энергетических мини-мирах, творением и пестованием которых Иего занимался до недавнего времени, как и все остальные лимурийцы, по лучу времени вообще можно было передвигаться без всяких ограничений, но в реальности синхронизации был заведен четкий порядок и однонаправленный поток времени, иначе бы возникло слишком много проблем с синхронизацией и контакты между демиургами в конечном счете бы вообще прекратились. Если бы возникла необходимость, то можно было бы, конечно, выяснить, сколько реального времени прошло с момента последней синхронизации, но только зачем? Ведь их жизненный цикл по сути неограничен. Впрочем, это скорее предположение, поскольку на сегодняшний день ни один лимуриец не умирал, как умирают животные

в реальности синхронизации. Как знать, может тот гипотетический Верховный Творец (опять в голову всякая ересь лезет), которого никто никогда не видел и который ввел закон Великого Равновесия имеет на сей счет свои планы.

Подумав о некоторых законах и ограничителях реальности синхронизации, Иего загрузил. (Он все никак не мог отделаться от потока своих рассуждений, и несмотря на то, что сидел визави со своим другом, разговор между ними все не начинался и не начинался). До него вдруг дошло, что последний мир его творческой микро-реальности, в проблемы которого он сейчас погружен со всей страстью – на самом деле вовсе не оригинален! Он понял, что идея жесткой детерминации причинности с фиксированным вектором времени и плотными физическими формами Энрофа – как ему еще недавно казалось – именно им придуманная, по сути скопирована с принципа мироустройства МАКРО-реальности синхронизации. Вот незадача! Совсем забыл, почти все время пребывая в собственных магических мини-реальностях, что изначально он сам имел плотное тело, которое используется для контактов в реальности синхронизации, и мир этой реальности так же плотноматериален, как и мир им созданный. Есть, конечно, свои нюансы, но и биологическую эволюцию, не он выдумал – и в мире синхронизации происходило то же самое, иначе бы и он сам, и раса лимурийцев не возникли. Он просто по непонятной причине об этом забыл в своих энергоинформационных мирах. Правда вроде бы

именно он придумал идею относительно пассивного творца, который создав мир однажды по некому всеохватывающему проекту, в дальнейшем как бы удаляется от дел и природа развивается сама за счет за счет того энергоинформационного толчка, который он ей задает, в прежних творческих мини-мирах, не имеющих физической плотности и одностороннего временного вектора, творец был постоянным участником всех событий). Впрочем, и это не факт, тем более время от времени все же приходилось вмешиваться. Взять хотя бы таинственного Верховного Творца, который, как он предположил, якобы ввел и контролирует Великое равновесие. Ведь если допустить мысль, что именно Верховный Творец создал тот МАКРО – мир, где вскоре возникли они, лимурийцы, которые его никогда не видели и не ощущали, то этот Верховный так же как и Иего в дальнейшем как бы вышел из игры и сохранил чисто внешнее положение к своему творению. Да, тут есть о чем подумать. Похоже, он в очередной раз впал в гордыню, возомнив себя первопроходцем, а в действительности не придумал ничего нового. Во всем виновато проклятое устройство его сознания: когда он начинает творить новый мини-мир, то так увлекается процессом, что совсем забывает о макро-мире или реальности синхронизации, о его базовых законах существования. В результате сочиняешь мелодию, которую, как позже выясняется, до тебя кто-то уже сочинил. Да, печально. Однако молчание затянулось, неприлично так долго размышлять о своем, когда

твой друг сидит напротив тебя и терпеливо ждет, когда ты наконец включишься в реальность общения и поприветствуешь более высокого по ступени посвящения собрата (хотя, честно говоря, ступени – давно уже архаизм, на самом деле нет сейчас объективной оценки, кто более продвинут, давно уже каждый погружен в свои миры и невозможно судить о том, кто дальше продвинулся по пути сотворения и совершенствования. Конечно, в принципе можно по приглашению посетить чужую творческую реальность и сравнить, но в последние пару миллионов лет уже никто не посещает чужие мини-реальности, каждый слишком занят своими, да к тому же многие опасаются что их творения окажутся поплоше, чем у собрата. Лучше не сравнивать, иначе какой удар по самолюбию творца! Ведь право же не драться потом по этому поводу, как это делают с некоторого времени тупые глыбы мяса динозавры. Нет, все же что-то прогнило в Датском королевстве... кстати, откуда он взял какое-то Датское королевство? Ах, да, возможно это из Провиденциального плана относительно его новой плотнофизической мини-реальности. Как все же меняется сознание при синхронизации, совсем забываешь свои мысли, чувства и планы, существовавшие до сего момента. Впрочем, на данный момент говорить о Датском королевстве не приходится, еще даже не созданы те, кто это Датское королевство создаст, до этого еще миллионы лет пройти должны.

Усилием воли Иего прервал поток мыслей-видений, кото-

рые были ему стократ привычней и естественней, чем общение с внешним (не им созданным!) миром и с себе подобными существами, и улыбнулся бывшему наставнику.

– Наконец-то, – покачал головой его визави, – что-то ты больно долго из погружения выходил. Я совсем заждался, когда ты соизволишь в контакт включиться. Кстати, перенос был довольно чистым, единственное, что ты из творческой мини-реальности перетащил – это световое колечко над головой. Это часть твоего нового имиджа?

– Да нимб это, – смутился Иего, – просто у меня с новой реальностью столько проблем возникло, о которых я прежде понятия не имел, что тормознул слегка, не смог сразу точку сборки в правильное положение поставить.

– Мне страшно интересно, – сказал Хроно, поднимаясь на ноги и разминая могучие нижние конечности, – какой же это образ создать нужно, чтобы золотое колечко над головой нормально в имидж вписывалось? Даже представить себе не могу.

– Да я не знаю, как это вышло, – еще больше смутился Иего, – просто я, как мне казалось, принципиально новый эксперимент затеял и уже в значительной мере его осуществил. Правда, когда я в реальность синхронизации вынырнул, то понял, что многие параметры позаимствовал именно с нее, родимой Урании. И однонаправленность вектора времени, и скорость света, как конечную скорость, и трехмерность пространства, и видимость отсутствия Твор-

да в творческой мини-реальности, и эволюцию, и невозможность извне внешние события исправлять через поправки прошлого на векторе времени. К тому же у меня возникла идея уровней действия и видимость конечной цели, как награды тем, кто прошел эти уровни. Теперь-то я понимаю, что многое из этого уже раньше было, но после энергоинформационных миров, мне показалось, что идеи эти — довольно свежие. А что касается нимба... ну такой я себе образ Пантократора-Творца придумал, якобы единственного во вселенной. Я ведь планирую создать условия для возникновения мыслящей расы... человеческой. А поскольку я собрался делать ее по своему образу и подобию,, то и сам соответствующий облик принял. Это тот образ, к которому вся тамошняя эволюция должна стремиться. Впрочем меня в том образе там еще никто не видел, поскольку те носители сознания, которые сейчас в моей мини реальности живут, все равно бы ничего не поняли. Я в своей творческой мини-реальности все сущее наделил плотными физическими телами, поэтому у них ментал крайне медленно развивается, вся энергия уходит на поддержание формы и обеспечение жизнедеятельности этой формы. Штука обременительная, но создаст совершенно уникальные возможности для эксперимента. Я уже говорил тебе, что уже вплотную подошел к тому, чтобы начать создавать базу для возникновения разумной расы. В этот момент как раз ты постучался. Впрочем, достаточно вовремя, у меня кое-какие проблемы возникли.

– Ну ка, ну ка, – оживился Хроно, продолжая разминать очевидно еще не до конца восстановившиеся суставы, – покажись, как ты в своем мини-мире выглядел. А я потом покажу, как я в своем.

– Так что, – удивленно посмотрел на своего друга Иего, – ты там тоже как-то определенно выглядел? Но ведь в энергоинформационных мирах...

– А с чего ты взял, что я энергоинформационный мир строил?

– Как, но ведь мы в последние эоны только их и строили!

– Мы их строили в пику миру синхронизации, чтобы его ненароком не повторить. Просто все уже об этом забыли. Ну ладно, ты меня крайне удивил, но могу тебе сообщить, что идея создания физического мини-мира по типу мира синхронизации не одному тебе в голову пришла, и еще совсем недавно я был уверен, что эта идея с ее последующим воплощением в жизнь, принадлежала только мне. Потому-то я так и заинтересовался твоим рабочим образом, поскольку не подозревал, что моему ближайшему другу такая же мысль в голову придет.

– Да уж, – пробормотал Иего, так же поднимаясь на ноги и начиная делать разминочные движения – поистине идеи носятся в воздухе. Будет совсем здорово, если вскоре выяснится, что вся наша раса в последнее время занималась по сути одним и тем же. Но как такое всем одновременно пришло в голову? Это же в принципе невозможно.

– Это мы сможем узнать только назначив всеобщую синхронизацию, и если так и окажется, то возникает мысль: не допускаешь ли ты, что над нами есть кто-то Высший? И именно он посылает нам в нужное время сходные идеи? Может для этого просто настало время и что-то в макрокосме должно измениться?

– Но кто он? Творец и блюститель Великого Равновесия? Творец нашей расы? Я недавно думал о чем-то подобном.

– Кто знает, – ведь те существа, которыми ты населил свой мини-мир, пока так же не могут постигнуть твою природу, да что там твою, они вообще мало, что могут постигнуть! А ведь они обладают самосознанием. Впрочем, я забыл, что до разумных созданий ты еще не дошел, так что об этом и говорить нет смысла.

– Но так ведь, мы можем прийти к мысли об Абсолюте! – вздохнул Иего.

– Ну и что с того?

– Но ведь глубокое осознание этой категории может аннигилировать ментал, разрушить самосознание!

– Не знаю, так всегда считалось!

– Скажи, – улыбнулся Хроно, зависнув над землей (левитация – что может быть проще!) и совершая плавные, раскачивающиеся движения, – ты говорил об уровнях творческой мини-реальности. Что ты имел в виду?

– Я усложнил работу для индивидуальных носителей сознания, – сказал Иего, так же оторвавшись от земли но, в от-

личие от Хроно, повиснув в воздухе горизонтально. Такой образ поведения был обычен в обществе лимурийцев, – теперь они вместо бесконечных вихревых игр и прохождений через различные пространственные мерности, для обретения необходимого структурирования своей энергоинформационной личности, движутся по однонаправленному вектору времени в строго определенном потоке причинной обусловленности в трехмерном пространстве. При этом они медленно накапливают энергию для спинового скачка на новый уровень ментально-физического устройства. На каждом новом уровне ставятся новые условия и задачи игры... то есть существования, и идет новое накопление заслуг. Впрочем, помимо заслуг, появилось много новых эволюционных факторов, природу которых я пока не смог идентифицировать и не могу понять, как они возникли. Но об этом – особый разговор, сейчас я бы хотел услышать о твоём творении, меня это крайне заинтриговало, и со своей стороны поведать более подробно о своём.

– И все таки, конечная цель у них какая? – спросил Хроно, – раз есть элемент игры, как в энергоинформационных мирах, значит должен быть и конец игры!

– Они должны дойти до такой степени разумности, чтобы постигнуть Творца... то есть меня. При этом слившись со мной своими сознаниями. Я назвал этот момент слияния – подношением. До определенного момента каждый носитель сознания будет считать себя индивидуальным я,

но перед подношением множество синхронизированных я объединятся в обоймы так, чтобы энергетический посыл оказался мощнее. Они отдадут мне подношение – энергию, накопленную за множество эонов. Я впитаю в себя мириады личных карм и историй, тем самым значительно подняв свой энергетический уровень. Они же обретут во мне то, что сочтут всеведением. Таким образом я получу дополнительную творческую энергию для новых строителей, они – информацию, присущую мне. Разумеется, конечная цель, да и истинная картина мира грядущей разумной расе долгое время будет неведома, ментал у существ, наделенных физическим телом, созревает очень медленно, и долгое время не способен к охвату столь грандиозных идей. Зато и энергетическая отдача у них на несколько порядков выше, чем у обычных вихрей.

– И когда же их разум способен будет открыться основной идее?

– Постепенно, по мере развития. Поначалу запустится процесс мифотворчества, идея Творца и Сотворения будет адаптирована к уровню их сознания, и чем выше будет этот уровень, тем ближе к истине приблизится их мифотворчество. Я назвал это промежуточное знание, приспособленное к низкому уровню развития духа, религией.

– Занятно, очень занятно, – все более искренне удивлялся Хроно, – дело в том, что и я задумал нечто схожее, если не идентичное. А ты уже разработал конкретные идеи и об-

разы мифотворчества для каждого этапа?

– Разумеется, прежде, чем сотворить мир Земли (я называл его именно так), я создал Провиденциальный план – информационную матрицу. По моим расчетам все должно было происходить без сучка и задоринки, но на определенном этапе я понял, что кто-то непрошенный вторгся в мою творческую мини-реальность и вносит определенные коррективы. Вынужден признать, что иногда эти коррективы в матрице мне даже помогали и освобождали от личного вмешательства, несмотря на то, что эти артефакты во многом противоречили нашим этическим императивам. Впрочем, далеко не все вмешательства я принимал, какие-то приходилось нейтрализовывать, но чем дальше – тем труднее, это было как снежный ком. Дело в том, что я, как ты знаешь, сам своей же волей ограничил собственное вмешательство в причинно-следственные цепочки. Ввел принцип свободы выбора, сделал вектор времени необратимым, объединил все индивидуальные временные цепочки в единый стержень, ограничил физическое пространство тремя измерениями, постулировал скорость света в Энрофе конечной. В общем придал процессу максимальную автономность. А тот невидимый некто, похоже, не обременен рамками, которыми я сам себя ограничил и уже не имею возможности какой-то закон отменить. Иначе все надо уничтожить и начинать сначала. А я сильно привязался к своему детищу и мне очень трудно поднять на него руку. Впрочем, не знаю, возможно какие-то

отдельные неудачные фрагменты и придется уничтожить... если решусь. Но это в самом крайнем случае, все-таки я этому неведомому некто особенно разгуляться не даю, я не какой-то начинающий неофит и имею представление о системах защиты.

После этого вступления Иего, как обещал, начал подробное изложение принципов построения своей творческой мини-реальности, сопровождая слова дополнительными источниками информации, описать которые мы не в силах за неимением соответствующих понятий, присущих великим демиургам-лимурийцам. Из них можно только отметить только зрительные голограммы и некоторые звуковые эффекты – что-то вроде слайдов и кинофильмов к научному докладу, но неизмеримо более масштабных и впечатляющих, создающих полный эффект присутствия. Во время этого комбинированного доклада лицо Хроно все более вытягивалось от удивления и когда Иего закончил, его друг попросил:

– Покажи образ, в котором ты разыгрывал роль Творца.

Иего не заставил себя просить дважды и тут же трансформировал свое тело человекообразной рептилии в образ израильского Бога Иеговы, известный нам по гравюрам Доре и Рембранта: этакий величественный старец в длинной тоге, с густыми седыми волосами и длинной бородой, с лицом пышущим грозным, но справедливым могуществом и пристопыльным золотым нимбом над головой. Для полной убедительности

тельности величественный старец был окутан густым облаком, из которого он то появлялся, то пропадал, порою оставляя в облачном проеме один светящийся глаз. В заключение, чтобы показать себя полностью, он встал босыми ступнями прямо на облачную поверхность.

– Ну как тебе? Впечатляет? – спросил он Хроно, оставаясь в этом облике, – оригинальное решение дизайна формы, не правда ли? И никаких абсолютов! Никаких энергетических вихрей! Впрочем в конце игры, в момент Истины они поймут, что истинная природа Бога иная.

– А хочешь посмотреть как выглядел я в своей творческой мини-реальности, – спросил Хроно, – опять же исключительно для этапа мифотворчества у разумной популяции, поскольку животным этого не требуется.

– Так ты аналогичную модель придумал? – изумился Иего.

– А я о чем тебе битый час толкую! При этом, заметь, к данной идее я пришел совершенно самостоятельно!

С этими словами Хроно превратился в существо очень похожее на персонаж, продемонстрированный Иего: такого же величественного мужчину, правда с иссини черной шевелюрой и бородой, и в отличие от закутанного в глухую тогу Иего, Бог Хроно был гораздо более легкомыслен. Его одежда больше напоминала свободный греческий хитон, а гематий небрежно свисал с руки и плеча, в результате чего человеческий торс гиганта-атлета был наполовину открыт, демонстрируя гораздо большую, чем у Иего, свободу нравов.

– Ну и как тебя зовут в этом образе? – удивленно посмотрел на своего друга Иего.

– Я назвал себя на этом этапе Хроносом или Кроном. Правда это только часть истины. Для моей разумной популяции на этапе мифотворчества я придумал целый пантеон богов, главный из которых будет зваться Зевсом, который низвергнет Крона. Поэтому мне придется слегка раздробиться, чтобы люди думали, будто богов на самом деле много. У тебя разве не так?

Иего покачал головой:

– Нет, я собираюсь в грядущей разумной расе продвигать идею монотеизма, то есть оставаться в едином лице. Ну, возможно придется время от времени для разных ситуаций этот образ слегка корректировать. Например в моем мифотворческом плане есть такой персонаж Моисей. Так ему я впервые явлюсь в образе горящего куста. В прочем на всех этапах мифотворчества я намерен подчеркивать свою единичность, а для того, чтобы справляться, со всем этим хозяйством, которое будет разрастаться день ото дня, придется ввести крылатых помощников – ангелов нескольких видов и рангов. Но они будут совсем не то же, что я.

– Что ж, здесь мы с тобой несколько разошлись, – задумчиво пробормотал Хроно, – кстати, а какое ты себе придумал имя в этом седобородом образе – и чего нам обоим эти бороды запали!

– Иегова, как-то вышло, что мое имя легло в основу –

впрочем, как и у тебя. Правда возможны и варианты, мои будущие адепты будут считать, что имен у меня множество... например, Саваоф, Яхве и еще более ста... ну что, будем в прежний образ возвращаться? Любопытно, что мы и в естественном облике с тобой очень похожи и в мифологическом...

оба лимурийца мгновенно трансформировались в свой рептилоидный облик и опустились на широкую, заросшую изумрудной травой поляну, усеянную огромными фантастическими цветами. Поляну окружали могучие древовидные папоротники и прочие гигантские голосеменные растения юрского периода. На опушке этого первобытного леса мирно жевало листву небольшое стадо игуанодонов, поблизости от них рылись в земле, выискивая питательные корни, похожие на гигантских носорогов, парочка трицератопсов. Неожиданно пятиметровые игуанодоны тревожно застыли в неподвижности вскинув головы и раздувая ноздри, явно что-то учуяв в потоке летнего ветерка. Затем, издавая трубные звуки неуклюже побежали прочь от опушки. Самоуверенные трицератопсы, явно не желая отрываться от сладких корешков, угрожающе захрюкали и выставили в сторону опушки свои могучие рога. Скоро появился и сам нарушитель спокойствия, не столь высокий, сколь массивный, обладатель невиданных размеров и силы челюстей, король Юрского и мелового периодов – тиранозавр. Доселе жадно раздувавший ноздри, теперь он теперь воочию увидел

своих жертв и замер, очевидно решая на ком остановиться: то ли на убегающих в панике игуанодонах, которых надо было сперва догнать, то ли на двух бронированных крепышах трицератопсах, острые рога которых представляли определенную опасность даже для него, короля саванн и лесов Юрского периода.

Оба лимурийца с каким-то невеселым интересом наблюдали эту доисторическую сцену, затем Иего, вздохнув, сказал:

– Совсем запустили мы зону синхронизации, хищников развелось немеряно, а ведь Урания – наша древняя родина, когда-то мы жили в единой синхронизации именно в этом трехмерном пространственном локусе и понятия не имели, что реальности можно не только листать, словно занимательную книгу, но и записывать все новые и новые листы.

– Книгу? – встрепнулся Хроно, – я ведь в своей реальности тоже придумал подобный способ хранения информации на первых этапах развития душ приматов. Впрочем, чего я удивляюсь, похоже, мы действовали почти синхронно и только с момента закладки будущей мифологии наши пути разошлись... вернее, разойдутся. Этот момент будущего и прошлого надо уточнить, поскольку в моем мини-мире, разумеется, время тоже однонаправленно. Ах ты, черт зубастый!

Пока наши демиурги, слишком легко отключающиеся от внешних событий, вновь перешли к обсуждению живо-

трепещущей темы, тиранозавр, наконец выбрал объект для нападения и, не обращая внимания на грозно выставленные рога трицератопсов, гигантскими скачками кинулся нагонять улепетывающее стадо игуанодонов, стремительно сокращая расстояние до неуклюжих увальней хоть и не намного уступающих хищнику по размеру, но, помимо мощного хвоста явно не имеющих достаточных средств для защиты от чудовищных зубов. Видя, что одному наименее прыткому игуанодону сильно отставшему от стада, скоро придет конец, оба лимурийца, не сговариваясь, повернулись в сторону намечающейся драмы и, объединив ментальные поля, сформировали на пути нагоняющего свою жертву тиранозавра темное облачко. Уж что в этом облачке усмотрел или почувствовал хищный ящер – сие нам не ведомо, однако он резко затормозил, словно наткнулся на невидимую преграду, затем начал растеряно вертеть головой, после чего удрученно повернул обратно и поплелся в сторону ближайшей опушки древовидных папоротников.

– Ну, и чего мы достигли? – грустно вздохнул Иего, – через час-другой эта тварь избавится от морока и все равно кого-нибудь сожрет. Ему же надо кормить свою неимоверно разросшуюся плоть! Эх6 запустили мы Уранию... да-да, именно Уранию, надоел мне этот бесчувственный термин «реальность синхронизации»! сейчас, поди, из лимурийцев кроме нас с тобой никого на всей планете нет. Каждый в своей реальности развлекается и некому контролировать колос-

сально разросшееся поголовье хищников. Эх, регресс, регресс! Вот и мы с тобой скоро разбредемся по своим мини мирам, и будет здесь все на самотек пущено. А ведь когда-то мы за всей этой фауной следили и время от времени пере-профилировали стихийно возникавшие очаги каннибализма. А сейчас? Кто знает, когда в пространстве Урании лимуриец последний раз выныривал? Десять тысяч лет назад? Миллион? А если и вынырнет – то что толку? Пару трагедий, как мы сейчас, предотвратит и снова в свой инкубатор. А ведь пока мы бог знает где витаем, экология здесь совсем испортится и эти твари вовсе пережрут друг друга. Впрочем, может оно и к лучшему, прости Господи за этот цинизм, но чем я чаще на своих отдаленных биологических предков смотрю, тем меньше они мне нравятся! Кстати, я бы все-таки хотел послушать доклад о твоей версии творческой мини-реальности, – быстро переключился на более интересную тему Иего. Все же их бывшая, почти забытая родина – кусочек Энрофа во вселенной энергетических миров, интересовала его, положила руку на сердце, куда меньше, чем собственное творение и творение товарища – все таки они, лимурийцы, пока интересовались работой соплеменников. А что касается их бывшей родины... так все меньше уз связывало великих иерофантов с планетой, на которую они не возвращались десятки, а то и сотни тысяч лет, и сиюминутные сентиментальные настроения уже никак не влияли на нынешнее печальное положение дел. Их общим миром теперь уже никто

не управлял, и оказавшись в бесхозном с какого-то момента, он начал порождать чудовищные по жестокости и разрушительной силе формы жизни. Лимурийцы раз за разом это видели, ужасались и быстренько возвращались в свои творческие мини-реальности решать тамошние проблемы, до которых им было куда больше дела, чем до забытой родины: там они чувствовали себя хозяевами в гораздо большей мере... но вернемся к беседе двух великих демиургов.

– Что ж, изволь, – снова поднялся в воздух Хроно, словно пришло его время встать за кафедру.

Его доклад-демонстрация оказался как две капли воды похож на доклад предыдущего оратора: как выяснилось, Хроно так же столкнулся с проблемой непредвиденных вмешательств и артефактов, которые привносил в его мир некто неведомый. К тому же и он покинул свой мир можно сказать в ключевой момент – момент создания условий для возникновения человека, коего предполагалось наделить разумом, и только на фазе возникновения религиозного мифотворчества планы двух иерофантов расходились в вопросах моно либо политеизма.

– Потрясающе, – сказал Иего после долгого молчания, – выходит, мы один в один повторили опыт друг друга даже не подозревая об этом. Но ведь такого раньше не было! По принципу вероятности без чьей-то объединяющей воли извне такого не могло случиться. Мы уже очень давно отдельные самодостаточные единицы. Да, кстати, ты тоже ре-

шил наделить разумом именно приматов?

– Совершенно верно, пока я не довел эволюцию до их непосредственного возникновения, сам понимаешь, наделять разумом динозавров нельзя, это на Урвнии уже один раз произошло с нашим видом и эволюционная санкция снята с этого рода позвоночных. Но приматы должны возникнуть из достаточно мелких млекопитающих, уже существующих, а покуда повсеместно царит господство наших гигантских безмозглых родичей, приматы появиться не смогут.

– Разумеется, у меня та же проблема, – вздохнул Иего, – с одной стороны надо идти дальше, с другой стороны этот шаг невозможно совершить: чье-то вмешательство в корне изменило природу этих прежде достаточно добродушных гигантов несмотря на то, что они продолжают эволюционировать. Ни о каких приматах не может быть и речи, пока по земле бродят тиранозавры и веласораптропы. Теплокровные на данный момент способны существовать только не высовывая голов из своих неуютных норок.

– Похоже придется устраивать планетарный катаклизм, – задумчиво пробормотал Хроно, – я к этому уже морально готов. А ты что скажешь?

– А я пока не готов к столь радикальным мерам, ведь это следование принципу зла. Впрочем в моем мире уже давно поселился принцип зла и я пока ничего с ним не могу поделаться. Он прочно вошел в механизм эволюции и без него уже невозможно обойтись – все рассыпется, словно карточный

домик, если я активно начну его искоренять. По твоей озабоченной mine вижу, что твои проблемы аналогичны.

– Разумеется, аналогичны, раз наши миры аналогичны. Одинаковые причинно-следственные потоки ведут к одинаковым проблемам. Мне одно только непонятно: что это за сеятель артефактов в чужих мирах, который и тебя и меня посетил? Понятия не имею, с какого конца его начинать отлавливать! Он никак. Кроме корректировки Провиденциального плана себя не проявляет.

– А надо ли ловить? – усомнился Иего, – в последнее время я несколько изменил свои взгляды на его деятельность. Без него эволюция в моем мини-мире не достигла бы такой напряженной интенсивности и скорости. А ведь это повышает уровень энергии, соответственно и подношение в последствии будет гораздо объемнее.

– Уровень энергии – это замечательно, – внимательно посмотрел на своего друга Хроно, – но тебе не приходило в голову, что это может сказаться на качестве этой энергии?

– Качества? – удивился Иего, – а какое качество может быть у информэнергии? Либо на есть – либо нет, либо ее больше, либо – меньше. Она лишена этических критериев.

– Отнюдь нет, существует особая, темная энергия, которая маскируется под творческую и эта энергия может незаметно вкрапляться в энергоинформационную матрицу и до поры до времени никак себя не проявлять. Лишь когда наступает передача – запускается механизм. Тогда донор

либо разрушается, либо полностью перерождается. У меня есть сильное подозрение, что механизм искажения наших Провиденциальных планов у неведомого некто именно и основан на использовании этой замаскированной темной информэнергии, поэтому мы и не отлавливаем ее внедрения.

– Но откуда ты это знаешь? – удивился Иего, – ты раньше ничего о ней не говорил, а в энергетических мирах она не встречалась.

– Пока это лишь предположения, – сказал Хроно, – необходимы дополнительные факты. Я назвал этот тип внедрения Троянским конем.

– Что это такое? В моих информопакетах нет такого понятия.

– Этот термин появился в одном из моих информопакетов, когда я разрабатывал грядущее религиозное мифотворчество в моей творческой мини-реальности. Конь – это будущее непарнокопытное млекопитающее из моего Провиденциального плана. К сожалению появление его не возможно, пока в моем мире царствуют ящеры.

– А причем здесь замаскированная программа-разрушитель? – недоумевал Иего.

– Долго объяснять... Троянский конь – это некий дар, который принимают за благо, ввозят его в свой город, а внутри него оказываются враги...

– Какие же враги могут быть внутри млекопитающего животного? Ах, да – это образ, наверное ты имеешь в виду ин-

фекционные заболевания – бактерий или вирусов. В моем мире они так же приносят немало проблем, правда и повышают устойчивость организмов к внешним факторам. Кстати, подкинул их так же неведомый некто. Эти болезнетворные частицы неплохо решают задачу отсева генетически ослабленных и неполноценных индивидов, таким образом способствуя эволюционному прогрессу. Подумав, я оставил эти артефакты в своей реальности.

– Я имел в виду несколько другое. Огромный Троянский конь будет сооружен одним из моих грядущих разумных этносов из дерева и в нем будут спрятаны воины, которые откроют ворота для вражеского войска. Впрочем, возможен вариант подбрасывания зараженных опасными инфекционными болезнями коней на территорию осажденных городов.

– В твоём Провиденциальном плане предусмотрены такие зверства?! – ужаснулся Иего, – впрочем, не буду ханжой, похоже, в моей версии так же не удастся избежать подобных исторических эпизодов. А все эти проклятые артефакты и наш с тобой конформизм. Возможно, лучше, если бы эволюция шла медленнее...

– Но зато значительно гуманнее, в соответствии с нашими этическими императивами, – перебил его Хроно, – ан нет, нам надо побыстрее, поэффективнее, вот и миримся с тем, что нам этот некто подбрасывает. Вроде бы и разрешает быстренько возникшие эволюционные проблемы, а какой ценой – не важно. Уже пора признаться, что мы с тобой дав-

но идем у него на поводу. Мы миримся с тем, что он разрушает Гордиев узел там, где его надо тщательно развязывать.

– А что за Гордиев узел? – не понял Иего.

– Да так, один из эпизодов грядущей истории Homo sapiens. Одному полководцу предложат развязать очень сложно запутанный узел, а он его возьмет и разрубит режущим оружием. Позже этот случай станет нарицательной притчей. А в твоей версии истории этого нет? Ну что ж, радуется хоть то, что с момента создания человечества, наши реальности пойдут по разным сценариям.

– Думаешь? – со странным выражением посмотрел на своего друга Иего, – что ж, посмотрим...

– Кстати, я не все сказал о Троянском коне. Как и в истории с Гордиевым узлом это понятие станет нарицательным, и совсем в отдаленном будущем, когда мои разумные приматы дойдут до электронных информационных технологий – одним словом – компьютеров – Троянским конем назовут одну из разновидностей разрушительных программ – компьютерных вирусов. Он сможет неузнанным проникать в рабочие программы и разрушать последние.

– А зачем все это надо? – удивился Иего, – разве кому-то это будет выгодно?

– Иногда – да – при различных компьютерных диверсиях, а часто просто так, из развлечения.

– Но разве разрушение чего либо, созданного таким трудом, тем более, когда речь идет о высоких технологиях,

способно радовать мыслящее существо? – удивился Иего, – это же противоречит здравому смыслу!

– Не совсем так, – сказал Хроно, – борьба с компьютерными вирусами приведет к активным разработкам систем защиты, а значит и к новым инновационным программам, новым технологическим прорывам. Ты ведь, готов уже смириться со своими эволюционными артефактами, привнесёнными неведомо кем. И я готов смириться – и заглянул вперед несколько дальше тебя: компьютерные вирусы, движущие вперед инновационные технологии и артефакты нашего неведомого некто – явления одного порядка.

– Какими же мы все-таки стали конформистами, – вздохнул Иего, – когда я приступил к созданию своего мира под названием Земля, я рассчитывал создать его чистым, высоко этическим, лишенным насилия. В своей будущей истории я в образе пантократора Иеговы вручу одному из персонажей моей грядущей истории, пророку Моисею, каменные скрижали с 10 заповедями, которые лягут в основу человеческой морали и закона – справедливого и гуманного. Ты в своей версии предусмотрел нечто подобное?

– Нет, – покачал головой Хроно, – я своих богов на этапе мифотворчества вообще решил принизить до уровня человеческих пороков (которые непременно возникнут). Так чтобы они были человечеству гораздо ближе и понятней. Мои боги станут грешить немеряно, иначе будут слишком далеки от народа. А насчет этических заповедей... я решил,

что элементарный здравый смысл грядущей расы сам регулирует этические установки, ведь справляется же со многими проблемами естественный отбор! А тут вступит в силу социальный естественный отбор. А боги в моем лице будут только следить за равновесием. Что ж, в этом вопросе у нас предполагаются расхождения.

– Так это и замечательно, – с некоторым облегчением согласился Иего, – меня этот факт как раз успокаивает. А то ведь до сей поры на уровне проявления феноменальной реальности из ноуменальной программы мы действовали один в один. И этому я не находил объяснения. Но можно сделать предположение (поскольку раньше у нас не было опыта создания физических миров с биологической жизнью), что биологическую эволюцию вообще невозможно формировать как-то по-другому, в отличие от энергетических миров, где рамки допустимых действий несопоставимо шире. И это связано прежде всего с гораздо большей пластичностью ментальной энергоинформационной материи по сравнению с физической плотной материей Энрофа. Взять хотя бы материю минерала: она вообще практически не эволюционирует и не трансформируется.

– Если бы она подлежала легкой трансформе, то на основе чего ты бы строил материю самой планеты? – напомнил ему Хроно, – тут как раз все правильно. Базис – фундамент должен быть максимально устойчивым и неизменным. А уж надстройке можно позволить пластичность и изменчи-

вость, чтобы проводить целенаправленную эволюцию. Так что нечего сетовать по поводу малой изменчивости минерального царства, без него и все остальное было бы невозможным... что это ты там интересное заметил?

Иего, не говоря ни слова, указал своему другу на небольшую кучку земли на поляне. Оказалась что эта кучка маскировала норку из которой высывалось странное, заросшее шерстью создание, напоминающее большую остромордую крысу.

– Ты знаешь, что это такое? – спросил Иего.

– Млекопитающее, —

изумленно пробормотал Хроно, – но на Урании нет и не может быть млекопитающих! Здесь не предусмотрен процесс подобной эволюции, ведь паторн разума и духовности уже получили мы, потомки рептилий!

– Выходит, предусмотрен, – покачал головой Иего, – я узнаю это существо, сам способствовал его возникновению. Я наметил, что из этих полу крыс- полу кротов должны возникнуть лемуры, этакие глазастые существа, которые вылезут из нор и переселятся на деревья. А из них впоследствии произойдут приматы. Правда, чтобы развитие осуществлялось в правильном направлении, что-то надо делать с динозаврами, теперь они уже тормозят вектор эволюции. Из важнейшего фактора прогресса ящеры превратились в тормоз.

– Так что это все значит? – недоумевал Хроно, – выходит в макро-реальности синхронизации происходит эволюция,

аналогичная той, что осуществляется в мини-реальностях под нашим руководством. Но как такое возможно? Здешний мир не должен развиваться, поскольку его эволюционная цель – породить нашу расу и разумно-духовную цивилизацию – давно осуществилась и дальнейший прогресс базовой фауны нецелесообразен. Возможна лишь инволюция. Эволюционная энергия Мирового Фундаментального поля работает лишь на острие эволюции, а острием эволюции является наш вид. Всем же известен фундаментальный закон принципа побега в эволюции: вверх растет только верхушка, весь остальной ствол только толстеет. Выходит – нарушение фундаментальных законов?

– Или мы чего-то не знаем, – пробормотал Иего, – это означает, что через пару миллионов лет в реальности синхронизации возникнет разумная раса приматов, параллельная нашей. Мы столкнулись с чем-то неведомым и объяснение, возможно появится позже. А вдруг это звенья одной цепи, и не случайно нам обоим пришло в голову в качестве творческой реальности создать плотный физический мир. Теперь уже окончательно ясно, что по крайней мере на первом этапе мы оба продублировали макро-реальность синхронизации.

– Кстати, теперь ясно, что не только на первом этапе, – усмехнулся Хроно, – этот крото-крыс, из которого позже в обеих наших мини-мирах возникнут лемуры, а затем приматы, интересен прежде всего тем, что именно на этапе его

создания я покинул свою творческую реальность для встречи с тобой. А теперь выясняется, что этот вид в реальности синхронизации прекрасно существует. Заметь, – без всякого нашего участия. В макро-мире. Как считаешь, что это означает?

– Это означает, что мир синхронизации – наша Урания, на которой когда-то появилась наша раса – тоже чей-то эксперимент по созданию творческого мира, это значит, что над нами существует такой же Творец-демиург, каковыми являемся мы в своих мини-реальностях. И этот творец, проигнорировав закон, что энергия эволюции находится на острие эволюционного ростка, создает теперь второй разумный вид, тот самый, который мы с тобой оба затеяли создать в своих творческих мини-мирах – вид разумных приматов.

– Или еще один вариант, – кивнул Хроно, – что первый эволюционный авангард в лице нашей с тобой расы будет уничтожен ради создания нового эволюционного авангарда – разумных приматов, которые через миллионы лет превзойдут нас своим могуществом.

– Выходит, что мы превратились в тормоз?

– Выходит так.

– Нет, я не могу в это поверить! – возмутился Иего, – наша раса существует сотни миллионов лет, и ни разу не возникало повода усомниться в нашей исключительности, единственности!

Тем временем, пока наши адепты строили версии, малень-

кий крото-крыс, из-за которого и разгорелась научная дискуссия двух демиургов, осмелел, полностью вылез из своей норки и с интересом начал осматриваться и обнюхиваться. Вскоре его заинтересовало присутствие на поляне двух наших великанов, и он, поддаваясь любопытству, усиленно принюхиваясь, стал осторожно к ним подкрадываться.

– Вот видишь, – сказал Иего, заметив приближение маленького млекопитающего, – он очень любопытен, несмотря на страх. Динозавры практически лишены любопытства, ими движет только голод и половое влечение. Любопытство – как раз то качество, которое постепенно преобразует этот вид в разумную популяцию, поскольку ментальная вибрация любознательности притянет к нему большую энергию Фундаментального поля. Я именно так задумал развить данное качество в своем мире.

– Я тоже, – согласился с ним Хроно.

В этот момент из сильно разросшегося кустарника выскочил небольшой хищный ящер, напоминающий общипанную и в десяток раз увеличенную курицу с хвостом игуаны. Не успели наши адепты среагировать на это неожиданное появление, как стремительный ящер в мгновение ока расправился с маленьким, менее подвижным зверьком, проявившим непростительную беспечность, далеко отойдя от своей норы.

– Вот черт! – синхронно чертыхнулись два великих иерофанта, – куда же мы смотрели!

– Кстати, – сделал глубокомысленный вывод Иего, – любопытство, как видишь, помимо явно прогрессивного патерна, имеет и негативную сторону, которое может оборачиваться гибелью для носителя этого качества. Наш крото-крыс слишком заинтересовался нашими с тобой персонами и потерял бдительность. Это стоило ему жизни. К сожалению на Урании мы с тобой не сможем открутить события назад и спасти несчастное создание... в прочем и как в наших творческих мини-мирах.

– Разумеется, мы же сами ввели в них принцип однопавленности. – Вздохнул Хроно, – в принципе я допускаю, что исключения возможны, но в самых исключительных случаях, как «Божественные вмешательства». Это нельзя делать правилом, иначе нарушится главный принцип существования физического мира, и гармонично стыкующиеся шестеренки начнут выскакивать из пазов. Эта сценка, – подытожил он подавленно, – еще больше склонила меня к мысли, что на Земле все же придется устроить всепланетную катастрофу, чтобы вымерли все динозавры. Уверен, большая часть млекопитающих выживет и станет господствующим родом за счет более развитого головного мозга и лучшей приспособляемости к изменениям условий внешней среды – хотя бы тем же термическим перепадам. Кроме того они гораздо лучше заботятся о своем потомстве и выкармливают его молоком.

– Я в этой мысли так же постепенно укрепляюсь, – опу-

стил голову Иего, – не надо было даже этой сценки...

– Итак, – подытожил Хроно, – ситуация в макро -реальности синхронизации и в наших творческих мини-мирах настораживает и наводит на ряд вопросов. Возможно, что все даже серьезнее, чем мы думаем. Мне кажется, необходимо созвать синклит, посоветаться с остальными девяносто семью демиургами нашего рода. Предлагаю вызвать к синхронизации всех. Только на этой поляне всем не поместиться, надо площадку побольше отыскать... или еще лучше – на морском побережье. Отсюда до ближайшего моря всего километров 200.

– Согласен, – кивнул Иего, – уж и не помню, когда мы в последний раз собирались! Миллионов пять лет назад? Кстати, даже и не помню, какой повод для этой встречи был. Похоже у меня склероз начинается, начал забывать такие важные вещи.

– Я тоже не помню, – признался Хроно, – так что это не только твои проблемы. Разумеется, если все остальные продолжают развлекаться в энергетических мирах, то мы вряд ли что-то новое узнаем.

– Вот мы и должны все это выяснить, – сказал Иего, – тем более, дополнительный повод собраться, если они продолжают плодить энергетические мини-миры и не ведают что в реальности синхронизации творится, об этих фактах необходимо всех проинформировать. Конечно, на первый взгляд появление на Урании мелких зверюшек-млекопитающих мо-

жет показаться мелочью, но мы-то хорошо знаем, в какие серьезные может вырасти мелочь, если ее вовремя не проконтролировать. Не было гвоздя – лошадь захромала... – это тоже присказка из далекого будущего приматов. Итак, не будем откладывать проблему в долгий ящик. Надеюсь, ты еще помнишь коды личных маячков всех остальных адептов синклита?

– Ну, – не так уж со мной все так плохо. Если мы коды маячков начнем забывать – значит надо звонить во все колокола! Впрочем, если без патетики, то весь наш род так давно разбился на отдельные самодостаточные единицы, что вопрос о единстве расы уже сейчас весьма актуален.

– По крайней мере, – сказал Иего, – тут речь идет о нашей родине, нашей общей реальности, и это касается всех нас. Ну что, разбиваем список пополам? Ты вызываешь первых 50 по списку, я – остальных. Или у тебя есть какие-то личные приоритеты.

– Какие там приоритеты, – махнул рудиментарной ручкой Хроно, – уже сколько эонов, как мы общаемся только с тобой... раз, эдак, в 10 тысяч лет. Или реже? Что-то я совсем плохо стал временные циклы отслеживать. Кстати, я уже и забыл, кто как выглядит. Тем интереснее будет встретиться, припомнить. Пора бы уже уделить должное внимание миру нашего общения. Это же из ряда вон – тот факт, что последний раз мы все собирались 10 миллионов лет назад!

– Но с тобой-то мы встречались гораздо чаще! Следует

предположить, что и среди остальных имеются близкие друзья и они синхронизируются в общем пространстве гораздо чаще, чем собирается весь синклит.

– Ладно, – решительно оборвал Иего Хроно, – мы так этот разговор никогда не закончим, давай все же начнем синклит собирать, а то мы уж больно разговорчивы стали. Итак, начинаем собирать синклит. Предлагаю вынырнуть на пляже «Золотые пески», это и близко и там самая широкая полоса песка и шум моря успокаивает. Всем будет удобно. Когда я в последний раз там был... и не припомню. Кстати, надо согласовать время выхода в общий контакт, чтобы в этот момент шторма не было... или какого другого катаклизма. А то шторм будет отвлекать от важного обсуждения.

Иего на несколько секунд закрыл глаза:

– Лучше всего выныривать завтра в полдень, – сообщил он, волнение будет в полбала – то что надо, самый комфортный шумовой фон.

Великие адепты помахали друг другу рудиментарными ладошками и разошлись по разным сторонам поляны. В следующий момент они с легкой вспышкой растворились в воздухе, после чего по поляне прошел резкий порыв ветра, пригнувший высокую траву. Потом все успокоилось, словно и не было здесь только что двух десятиметровых рептилоидов.

ГЛАВА 4 Синклит

Через несколько часов после описанных нами событий километрах в двухстах от поляны Юрского периода, где беседовали два великих демиурга над широким песчаным побережьем прозрачного первобытного океана произошло странное природное явление, спугнувшее нескольких летающих ящеров, гревшихся на солнышке. Неожиданно пространство над песчаной полосой побережья стало переливаться нежным разноцветным свечением, словно северное сияние, спустившееся с небес к самой земле, а затем в этом полощущемся, словно гигантский разноцветный флаг на ветру, сиянии начали возникать туманные размывы. Их становилось все больше, и в скором времени, если бы на побережье оказался наблюдатель, способный считать, то он насчитал бы ровно сто один такой размыв. Впрочем единственными свидетелями странного явления были несколько птеродонов и рамафаринхов, которые считать не умели, да к тому же в панике улетели с побережья и вряд ли успели заметить, как из размывов один за одним возникали фигуры гигантских существ. Правда гигантами они показались бы только нашему современнику, и по сравнению с представителями фауны типичной для Юрского периода, размеры их были вполне сопоставимы, а какой-нибудь брахиозавр или диплодок даже заметно превышал их габаритами. Не будем повторно описывать

вновь возникших персонажей нашего повествования, достаточно сказать, что все они были похожи друг на друга в гораздо большей степени, чем нынешние представители человеческой расы. Тем не менее каждый из гигантов-лимурийцев прекрасно отличал одного собрата от другого, несмотря на то, что все вместе они собирались не менее 10 миллионов лет назад, а близкие друзья синхронизировались в общей макро-реальности так же не слишком часто, поглощенные собственными проектами.

Итак, лимурийцы один за другим выходили из туманных размывов и медленно, словно гигантские пушинки, опускались на чистейший первозданный песок, тут же обретая вес и весьма ощутимо погружая в песок свои трехпалые ступни рептилий. Адепты величественно рассаживались на песке в своеобразные медитативные позы, сообразно конституционному устройству их конечностей, при этом раздавались сдержанные приветствия и даже неуклюжие комплементы по поводу внешнего вида и что за 10 миллионов лет с момента последней встречи этот внешний вид ничуть не изменился. Разумеется, все это была лишь дань вежливости, поскольку ни один лимуриец до сей поры не умер и таких проблем, как болезни и старость были им в принципе неведомы, хотя возможность физической смерти для них все же существовала в случае полного механического разрушения физического тела. Однако, обладая даром предвидения, любой из них всегда мог избежать опасности – просто дематериа-

лизовавшись в последний момент, когда, допустим, на голову летит сорвавшаяся со скалы глыба, или в непосредственной близости неожиданно просыпается вулкан. Если же говорить о хищных ящерах, то они не представляли опасности для наших демиургов, поскольку любой из них мог успокоить и погасить агрессию хищника просто посмотрев ему в глаза, не говоря о других магических методах, начиная с той же дематериализации и кончая созданием эктоплазменных устрашающих фантомов, способных напугать самое кровожадное чудовище. С другой стороны даже физическое уничтожение грубоматериального тела на слишком их страшило, поскольку они вообще большую часть жизни находились в ноуменальном состоянии, когда физическое тело переводилось в состояние холодной плазмы и обретало плотную материальную форму крайне редко во время синхронизации и общения с себе подобными. В том была скорее дань издревле установленным правилам, чем насущная необходимость.

Вскоре все 101 участник синклита, которые и представлял собой полный состав лимурийской цивилизации сидели на песке и неспешно обменивались отдельными репликами. Наконец Хроно – главный инициатор собрания расы в полном составе заговорил громче остальных, обращаясь к аудитории. В обществе лимурийцев не было ни главных, ни подчиненных, ни правителей, поскольку управлять было не кем и не чем. Не существовало государства, не было материаль-

ных благ и каких-то ценностей, которые кто-то мог неправомерно себе присвоить, не было семей, не было пола. Каждый лимуриец был абсолютно самодостаточен, не нуждался ни в питании (хватало звездного света и энергии космоса) ни в одежде (они обладали совершенной терморегуляцией и стыда они не знали, поскольку не имели ни органов выделения, ни органов размножения). К тому же температурный комфорт им требовался только в реальности синхронизации, когда лимурийцы выныривали в физическое пространство и облекались в плотную материальность. А какие-то предметы быта, жилье и прочие атрибуты комфорта и уюта, не говоря уже о деньгах и средствах передвижения их не интересовали, поскольку каждый лимуриец мог материализовать все что угодно, но им давно уже не нужно было ничего материального. Мало того – не существовало даже принципиальной возможности как-то возвысится за счет ближнего. В силу этого Хроно ничем не отличался от остальной аудитории и даже прежнее различие в уровне магического искусства выравнивалось: за немыслимую продолжительность существования этой цивилизации каждый достиг своего потолка и потолок этот для всех был примерно одинаков для всех адептов синклита. Да и критерия сравнения уже не существовало: каждый знал, что уже ничему не способен научиться у своего собрата – и это так же привело к постепенной утрате интереса к общению между адептами. Правда некоторые лимурийцы питали особое дружеское расположение к кому-ли-

бо конкретно, как Хроно и Иего, где Хроно в незапамятные времена был наставником Иего в искусстве космической магии, и их контакты были несравнимо чаще, чем с остальными членами синклита.

– Уважаемые великие собратья, – обратился Хроно к аудитории гигантов, – вынужден сделать сообщение в надежде, что совместными усилиями мы сможем разъяснить и преодолеть некоторые настораживающие факты, с которыми столкнулись я и мой друг Иего вначале в наших творческих мини-реальностях, а затем в макро-реальности синхронизации. Начнем с того, что нам обоим одновременно пришла в голову одна и та же идея, которую мы оба, независимо друг от друга реализовывали в наших мини-мирах, что уже нарушает принцип вероятности в двух независимых системах, лишенных возможности обмена информацией. Независимо друг от друга, будучи уверенными, что эта идея принадлежит только ему, мы начали создавать собственные миры, но не энергоинформационные, чем каждый из нас занимался столько миллионов лет, наполняя вселенную разнообразными ноуменальными мерностями и проявляя к существованию индивидуальные сознания тварных существ. Мы оба затеяли сотворение материальных феноменальных миров с однонаправленным вектором времени и причинности, к тому же ограничив собственные возможности вмешательства в эволюцию сотворенных нами миров. Мы оба называли этот феноменальный мир, проявляющий себя, как грубо-ма-

териальный, Землей, и только позже выяснили, что формировали наши творческие мини-миры не только совершенно идентично один другому (до определенного эволюционного момента – но об этом чуть позже) но и идентично нашей совместной макро-реальности синхронизации. При этом оба мы совершенно не ведали об этом, пока не осуществили контакт на лесной полянке не так далеко отсюда, словно кто-то стер нашу память о том мире, где мы все с вами возникли и развились в совершенных адептов. А оказавшись здесь, столкнулись с еще одним необъяснимым явлением: оказывается мир Урании каким-то образом породил новые виды животных, которых, по крайней мере во время моего предпоследнего выхода в реальность синхронизации, еще не существовало и, главное, не могло существовать, поскольку с возникновением цивилизации лимурийцев, дальнейшее совершенствование и возникновение новых видов животных на Урании невозможно: всем нам известен универсальный закон принципа побега. Ко всему прочему возникший на Урании неизвестным образом род млекопитающих был сотворен так же и в наших с Иего отдельных мини-реальностях нами обоими, независимо друг от друга, поскольку мы оба планировали создать разумную расу на базе биологического вида приматов, относящегося к роду приматов.

После этого вступительного слова Хроно сделал аудио-видео доклад о своем творческом мини-мире и тех проблемах, которые там возникли, о чем мы подробно излагали в преды-

душей главе, а так же то, к чему они с Иего пришли в результате обсуждения возникших вопросов.

После этого впечатляющего доклада в режиме полного присутствия над морским побережьем воцарилась тишина, нарушаемая только шелестом волн, да криками летающих ящеров в отдалении. Какое-то время члены синклита удивленно переглядывались друг с другом: по-видимому в эти минуты шел активный телепатический обмен соображениями, и если бы не давний обычай – в реальности синхронизации общаться с помощью речевого аппарата – возможно бы эта немая картина продолжалась очень долго и так же бы немо закончилась, а мы бы так и не узнали к каким выводам пришла высокая аудитория. Наконец – очевидно тоже телепатически – был установлен порядок выступления, и заговорил лимуриец по имени Брахмо, с которым как Иего, так и Хроно виделись в последний раз около 10 миллионов лет назад на всеобщей синхронизации синклита, причину которой ни Иего ни Хроно так и не могли вспомнить.

– Уважаемый синклит, – обратился он к аудитории, – доклад иерофанта Хроно и предварительный телепатический обмен информацией был для меня полной неожиданностью, как, очевидно, и для всех остальных. Теперь уже очевидно, что каждый из нас в какой-то определенный момент – назовем его «время Ч» – без какой-то особой причины, просто, как ему казалось – по личной инициативе – начал создавать новую творческую реальность под условным назва-

нием «Земля». В результате у всех членов синклита в их творческих мини-мирах получилась одна и та же картина, базисом для которой послужила наша общая макро-реальность синхронизации – Урания, чего мы в прежних миро-строительствах всячески избегали, создавая разнообразные модели энергоинформационных миров. И тут вдруг все мы, как один забыли о природе и истории нашей родины и соорудили нечто чрезвычайно схожее в своих мини-реальностях. Правда Провиденциальные планы развития наших мини миров в далеком будущем на этапе мифотворчества разумных рас подразумевают заметное различие. Однако все мы прервали творческое присутствие в своих мини-мирах на фазе становления млекопитающих, невозможных в нашей общей макро-реальности после возникновения расы лимурийцев, согласно принципу побега. То есть, попросту – физический мир, являвшейся питательной средой для возникновения и становления уважаемых членов синклита больше не должен развиваться и возможна лишь инволюция отдельных видов. Однако и этот фундаментальный закон оказался нарушен по неведомой причине – этому были свидетелями иерофанты Хроно и Иего, обнаружившие в соседнем лесном массиве млекопитающего крото-крыса. Точно таких все мы, члены синклита, выпестовали в своих мини-реальностях с целью в перспективе наделить разумом одного из представителей этого рода – а именно – примата, до возникновения которого ни один из нас в настоящее время еще не до-

шел, поскольку появление его станет возможным только после устранения в наших мини-реальностях господствующего класса – класса гигантских рептилий. Именно они – наши биологические предки не позволяют млекопитающим развиваться в нужном для них направлении. Итак, у всех нас получилось абсолютно одно и то же, что противоречит принципу вероятности и все мы прервали работу на одном и том же этапе – этапе возникновения и первичного становления млекопитающих. Факт этот вполне можно объяснить приглашением к всеобщей синхронизации высокочтимым иерофантом Хроно, однако и я сам к этому времени собирался синхронизироваться с моим ближайшим соратником Осиро, поскольку был озадачен загадочными артефактами, о которых изложил высокочтимый Хроно. Из предварительного телепатического обмена информацией стало ясно, что сделать это собирался в ближайшее время каждый из нас, а значит синклиту предстояло собраться в любом случае. Объяснений всему произошедшему я не нахожу, так что у меня все – на предварительном этапе.

Брахмо почтительно поклонился высокому синклиту и удалился на свое место. Вслед за Брахмо выступили еще несколько ораторов и все они доложили примерно одно и то же, что уже озвучили предыдущие выступающие, и никто не смог дать внятного объяснения случившемуся. Подытоживая все выступления,демиурги какое-то время посоветовались телепатически и в конце концов решили остано-

виться на обсуждении пункта расхождения – то есть на грядущем этапе религиозного мифотворчества расы разумных приматов. Тут при некоторой схожести всех моделей были выявлены заметные различия, включающие в себя все ныне существующие религиозно-философские доктрины, начиная от классического иудейского монотеизма, позже нашедшего свое продолжение в Исламе, абсолютного индийского монизма, нашедшего наиболее последовательное развитие в учении Адвайты Шанкары через Теизм Рамануджи и Мадхвы, этический атеизм раннего буддизма Гаутамы Шакья Муни, шесть систем брахманизма к политеизму разнообразных форм язычества: индуистского, египетского, эллинистического, славянского, майянского, включая смешанные формы наподобие заратустрийской Авесты, древних шаманских культов самых разных племен, включая магический идеализм тольтеков. А кое-кто сделал ставку на эзотерические направления наподобие Изумрудных скрижалей Гермеса Трисмегиста и священной книги Тота, включая систему арканов. Если бы современный специалист по религиям мира оказался на этом высоком собрании адептов, то он бы констатировал тот факт, что гигантские человеко-ящеры обсуждают всевозможные религиозно-философские модели когда-либо существовавшие в истории человечества, до возникновения какового оставалось по меньшей мере 60 миллионов лет.

– Поразительно, – констатировал итог всех докладов Хро-

но, — насколько одинаково мы прошли биологический этап эволюции земли, вплоть до возникновения рода млекопитающих, настолько разнообразны наши планы на этапе возникновения религий и мифотворчества разумной расы. При этом каждый был максимально самостоятелен в создании информационной матрицы Провиденциального плана. Что ж, разнообразие-то как раз легко понять, каждый из нас прошел через длительный путь индивидуального миротворения и, несмотря на всю нашу внешнюю схожесть, которую в большой степени определяет этикет, внутренне все мы достаточно различны, как различны формы бытия. Но тем более необъясним факт того, что на первом этапе все наши творческие мини-миры строились по одинаковому принципу, не говоря о том, что всех нас одновременно угораздило затеять работу по созданию плотноматериальных миров, чего до этого момента никто из нас не делал. Не свидетельствует ли сей факт о том, что наша раса не является вершиной разумной эволюции вселенной, и над нами есть некто Высший, тот, кто проявился в наших действиях как дирижер, заставив поступать синхронно, в едином ключе? Принять такую мысль, согласитесь, весьма тяжело для лимурийца, поскольку на протяжении миллионов лет мы придерживались совсем иной философии, отрицающей существования над нами некой направляющей и созидательной Воли. Этой творящей волей являлся каждый из нас, мы создавали мириады миров и были совершенно свободны в этом великом творче-

ском процессе. И вдруг, как гром среди ясного неба: оказывается мы выполняем чей-то заказ и наши действия не самостоятельны. А факт появления неведомого некто, который вбрасывает в наши информационные матрицы сомнительные артефакты без нашего ведома? Как вообще мог оказаться некто посторонний в наших собственных реальностях без нашего ведома и тем более вмешиваться в творческий процесс? Это неслыханно, я не нахожу этому объяснения!

– Объяснение этому возможно только то, о котором ты сам не раз упомянул в своем выступлении, – вмешался в его монолог лимуриец по имени Ахуро, – над нами существует некая обобщающая воля и она распорядилась нашими казалось бы индивидуальными действиями, исходя из собственных соображений. Хоть допустить такую мысль чрезвычайно тяжело, учитывая наше представление о себе, как о ста верховных иерофантов вселенной. Но представьте себе на минуту, что в наших творческих мини-реальностях скоро возникнут разумные существа, которые рано или поздно столкнутся с фактом существования Творца – то есть каждого из нас – ну а дальше мифотворчество пойдет по тому сценарию, который заложил в свою информационную матрицу каждый из нас. А не происходит ли сейчас то же самое и с нашей, как мы считали – величайшей во вселенной расой? Настал этап осознания бытия Творца – Воли и Силы, стоящей над всеми нами, который построил информационную матрицу нашей расы и эта матрица в определенное время «Ч» дала всем нам

одновременно сигнал к действию. Чем наша ситуация отличается от ситуации, запланированной каждым из нас в информоматрицах наших мини-реальностей?

– Выходит, – после продолжительного молчания подал голос Иго, – наша цивилизация – это так же чья-то творческая реальность, и какой-то сверхлимуриец, присутствия которого мы до сих пор не обнаруживали, творит реальность макро-мира где возникли все мы? Мы же, в свою очередь творим мини-миры своих реальностей и готовимся явиться в образе вселенских творцов разумным созданиям, непременно появление которых мы закодировали в информационных матрицах провиденциальных планов? Но это же подтверждение принципа фрактального устройства вселенной, а мы всегда отрицали этот принцип, боясь утвердиться в мысли, что над нами существует некая личность, гораздо выше нас по силе осознания и могуществу! Настолько выше, насколько каждый из нас выше собственных творений! Но с другой стороны когда-то ведь и наша цивилизация появилась на свет, и наш собственный гений не мог являться продуктом, порожденным тупой бессмысленной материи! Мы же не допускаем мысли о том, что миры, подобные тем, которые создает каждый из нас, могут самозарождаться? Всегда необходим мощный творческий паторн.

– Значит, – заключил Хроно, – идея фрактального устройства мироздания все же верна: мы создаем миры, в то время, как мир нашей цивилизации так же был создан неведомым

супер-магом, а теперь настало время «Ч» и эта сверх-воля заставила нас осознать ее существование, а заодно и охладить нас от собственной гордыни. Мы – не главная творящая сила вселенной и возделываем лишь строго ограниченный локус реальности. Мы – лишь кирпичик какого-то гораздо более грандиозного сооружения, осознать которое не способны даже мы – великие иерофанты.

– Тогда, – подключился к теме уже упомянутый ранее Брахмо, – и возникновение таинственного некто в каждой из наших мини-реальностей становится понятным. Их подкинул нам он, Верховный! Но лично мой этический императив не способен это принять! Как может Он, Верховный внедрять в наши реальности такую циничную силу, которая привнесла в наши локусы творения неприемлемые для лимурийцев насилие и каннибальство! И Бог еще знает, что порождает в будущем... и наш конформизм не является оправданием! Правда я тоже согласен со всеми выступавшими: очень многие эволюционные проблемы были решены механизмами именно этих привнесенных артефактов. Я вынужден это признать и не могу предложить ничего более конструктивного.

– Ну и что же из этого следует? – раздалось сразу несколько голосов, – что мы должны предпринять?

– А ничего, – пожал плечами Брахмо, – все, что мы можем – это максимально эффективно трудиться в своих творческих мини-мирах и внимательно следить за действиями

неведомого некто, поскольку цели его пока не ясны. Что же касается действий Высшей Силы... если все действительно так и наши выводы верны, то остается только положиться на Ее мудрость, сделать что-либо против того, кто нас несоизмеримо выше невозможно. Да и, главное, зачем? Надо полагать, его резоны к тому что случилось имеют высшее основание, и нет смысла ломать голову над этими сверхзадачами.

Над песчаным побережьем вновь воцарилась тишина, и только тут один из лимурийцев обратил внимание остальных на то, что они оказались не одни на этом побережье. То что они увидели повергло всех в крайнее изумление. На береговой полосе ажурной пены сидело несколько странных существ, заметно меньших по размерам, чем лимурийцы, но все же весьма крупных по сравнению с современным человеком. Существа эти в чем-то напоминали гигантских саламандр, как лимурийцы – рептилий, однако же в них проступало и немало человеческого: и все признаки прямохождения, и форма головы с лицом больше напоминающем человеческое, чем морда земноводного, с большой краниальной частью черепа и высоким лбом, что свидетельствовало о том, что существа обладают развитым мозгом и скорее всего разумны. Существа эти сидели во вполне человеческих позах, омываемые накатывающими волнами и внимательно глядели на высокий синклит. Казалось, что на их лицах застыло сложное чувство священного страха и благоговения.

– Да это не животные, – первым нарушил всеобщее мол-

чание Иего, – они разумны и видят в нас богов. Какие там млекопитающие, вот уже готовые носители разума! А мы-то всполошились, когда увидели млекопитающее!

– А может все же животные, только необычной конституции, – засомневался Брахмо, – ну ка попробуем ментальный контакт установить... о, Боже, да они понимают! Разум, естественно, еще первобытный, но это уже не разум животного, они способны абстрактно мыслить и общаться как словесно, так и телепатически... правда телепатическое общение у них пока достаточно упрощенное, на уровне обобщенных образов, они не способны передавать информацию непосредственно, в форме информо-пакетов.

Иего так же наладил контакт с одним из существ, очевидно недавно вылезших из моря, и такой контакт произошел. Это не было общением с животным, обладающим лишь предметным мышлением, это был телепатический контакт с разумным существом. Прежде, чем Иего послал первый информационный посыл, он почувствовал трепетное благоговение существа перед величественным зрелищем синклита, и в голове разумного земноводного проносились достаточно хаотичные смятенные мысли:

– Боги, великие Боги, какое счастье... значит все правда... мы – избранные... мы – свидетели! Но ведь никто не поверит, никто не предполагал, что они выглядят именно так! Что же делать? Надо звать остальных, иначе – не поверят! А если Боги разгневаются?! О, счастье! О ужас!

– Кто вы? – внедрился в сознание земноводного Иего.

– Он говорит! Он спрашивает!!! – вспыхнуло ужасом и восторгом сознание существа, – мы здесь живем, мы – атланты! А вы Боги? Никто из нас еще не видел Богов, но наконец мы удостоились! Но вы не похожи на тех, какими они описаны в нашем священном писании Миаф...

– Так, – подумал Иего, отключившись от сознания земноводного, – у них уже развитое мифотворчество, есть даже священное писание и собственное представление о богах. Похоже, не стоит вмешиваться в этот процесс, тем более, что они – не наши подопечные. Но кто так стремительно породвинул эволюцию, нарушив все принципы фундаментального закона побега? Их не должно здесь быть, и все же они существуют! Кто они? Те, кто должны прийти нам на смену? Ведь они стремительно развиваются, а мы застыли в своем развитии на десятки миллионов лет. А как же млекопитающие, которые должны породить разумных приматов? Нет, ничего не понимаю, чем дальше, там больше загадок. А впрочем, не очередное ли это подтверждение наличия Верховного существа, стоящего над нами? Того, кто вопреки известным законам, вдруг начал активно преобразовать реальность синхронизации, которая после нашего возникновения не должна была больше эволюционировать.

– По-моему, – вслух обратился он к высокой аудитории синклита, где каждый, похоже, в настоящий момент сканировал сознания загадочных существ (их было около десят-

ка), – они находятся на начальной стадии мифотворчества, и наш с ними контакт не безопасен для их рассудка. Они еще не способны воспринимать от нас какую-то серьезную информацию. Похоже, надо перебраться в какую-то другую местность, а им слегка подправить мозги. Они явно удивлены нашим видом, наверное надо внушить, что мы похожи на них, иначе сородичи могут не понять свидетелей «чуда». Ведь, по их представлениям, все, что противоречит священному писанию – ересь!

– Я того же мнения, – присоединился к товарищу Хроно, – я успел фрагментарно просмотреть в сознании самого продвинутого из них некоторые выдержки из их священного писания, которые он запомнил. Достаточно неуклюжий языческий шаманизм. Они еще совсем первобытны. Неужели когда-нибудь они составят нам конкуренцию?

– Похоже, их гораздо больше, чем нас, на несколько порядков, – добавил Осиро, – сканируя сознание одного из них, я увидел на дне океана поселение в десятки тысяч особей. В этом их явное преимущество. Согласен, чтобы не смущать юные умы, лучше оставить их в покое, и пусть запомнят нас не как рептилоидов, – с их точки зрения мы, похоже, весьма уродливы, – а как прекрасных гигантов-земноводных – допустим, с крыльями, спустившихся с небес. Согласен, они еще очень не скоро будут готовы к нашим знаниям.

– Да и вообще, – возмутился Брахмо, – они кто? Обитатели наших творческих мини-реальностей?! Да они сотворены

неведомо кем, неведомо зачем, и без нашего ведома, простите за каламбур. Во что это выльется в конце концов мы тоже не знаем! Что-то мне здесь стало неуютно, Я бы сейчас с удовольствием удалился в свою мини-реальность и занялся бы теми вещами, которые, по крайней мере, способен контролировать. Сдается мне, что реальность синхронизации нас отвергает.

– Так что ж, нам сюда теперь и не возвращаться? – укорил его Осиро, – нарушить издревле установленное священное правило? Нет, это признак малодушия! Я согласен, что сейчас действительно стоит разойтись по своим епархиям, продвинуть там эволюцию на новую ступень, но в ближайший эон необходимо вновь собраться и посмотреть, что здесь за это время изменится. Уже очевидно, что мы обнаружим здесь немало неожиданного. А вдруг к нам возьмет и явится Всевышний? Тот самый, в существование которого до настоящего собрания синклита никто не верил? Да, кстати, прежде чем разойдемся по своим епархиям, вначале успокоим этих саламандр. Тут у меня одна теория возникла, но не буду ее до следующей синхронизации озвучивать. Хотелось бы предварительно уточнить: во всех ли религиозно-философских системах, которую каждый из нас собрался утверждать в своих разумных расах на этапе мифотворчества присутствует образ антибога? Не важно, как вы его назовете: дьявол, асур, дэв, сатана или просто злой дух?

Оказалось, что подобная категория существовала во всех

религиозно философских системах, правда пока лишь на стадии информационной матрицы.

— Ну, что ж, — кивнул Асиро, — кое что подтверждается, но свою версию я выскажу на ближайшем сборе синклита, надо многое проверить, пока моя догадка едва очерчена. Впрочем, возможно мою теорию и не придется излагать, возможно к тому времени и так все станет ясно. Надеюсь в свете последних тревожных событий мы не будем ждать 10 миллионов лет... а то как бы поздно не было.

На этом все согласились, что синхронизацию пора заканчивать, сидящим, как замороженные человеко-саламандрам было внушено, что они видели себе подобных божественных существ, правда с крыльями, и что эту радостную весть надо донести до соотечественников, и чтобы у тех не возникло сомнений в правдивости свидетелей, лично Брахмо материализовал для них небольшую статуэтку из темно-красного камня в виде прекрасной крылатой саламандры в своей Божественной славе. Для убедительности он окружил камень нежным свечением холодной плазмы, которое никогда не должно было померкнуть. Этот священный атрибут на данном этапе своего развития саламандры собственноручно изготовить не могли, и свидетелям явления богов была внушена мысль, что этот подарок должен стать реликвией, которая ляжет в основание храма Миаф, который местным жителям предстоит построить, и эта реликвия будет охранять народ атлантов от всяческих злых сил. После этого са-

ламандрам рекомендовали вернуться к своим соотечественникам в небольшое подводное поселение, что они тут же и сделали с благоговением унося с собой священную статуетку. Избавившись от своих невольных свидетелей лимурийцы сдержанно попрощались и один за другим стали уходить в туманные размывы, из которых не так давно возникли для совместной синхронизации. Какое-то время над пустынным побережьем еще колыхались разноцветные фалды импровизированного северного сияния, но вскоре и они исчезли.

ГЛАВА 5. Буфер

...Ну вот, снова дома... а где я был только что? Разве не дома, в макро-реальности синхронизации? Слово-то какое! Нет, нет, какой там дом, даже вспоминать не хочется. Кстати, я почти ничего и не помню, помню только синклит, суть обсуждения, а саму Уранию почти сразу забыл. Удивительное свойство памяти, так всегда происходит, когда возвращаешься из макро-реальности в собственную мини-реальность. Что-то нас там сильно насторожило – причем всех, но уже не помню, что именно. Возраст что ли сказывается? Склероз? Маразм? Откуда эти слова? Ах да, эти понятия прочно войдут в жизнь будущей разумной расы уже на примитивно-научной стадии развития. Впрочем, симптомы этих заболеваний будут мучить грядущее человечество задолго до того, как получат научные названия и станет понятен их патогенез. Итак, с какого момента стало происходить, что возвращаясь в собственную мини-реальность я забываю, как выглядит реальность синхронизации где мы все общаемся с незапамятных времен? Нет, не помню, но точно помню, что это было не всегда. Возможно, что я сам в какой-то момент наложил на себя эту амнезию, чтобы воспоминания макро-реальности не мешали в моих творческих миропостроениях, тем более, как я понял, у всех нас теперь так. Но если это так, то какого черта вообще собираться,

если вскоре все забываем? Не понятно. Возможно все дело в смене состояния, и впечатления воспринимаемые в мерности физического

мира невозможно перенести в буфер, то есть форма определяет сознание! И все же мы все с чем-то важным столкнулись и к чему-то важному пришли. Ведь что-то же всех нас переполошило! Нет, не помню, теперь уже не только Уранию не помню, но и о чем толковали на синклите – забыл. А и черт с ним! Очень надо! Может это специальных механизм сознание очистил, чтобы я не переносил чуждые вещи из макро-реальности в мою милую среду, в мини-реальность, где я хозяин, ни от кого не завишу и могу действовать как заборорассудится. Нет, конечно, теперь уже не как заборорассудится, я ведь ввел определенные незыблемые правила, которые сам не в праве нарушать, иначе наступит хаос. И все же к тому дому, который сам создал и который тебе по-праву принадлежит – совсем иное отношение, чем к дому твоих родителей, хоть ты там и появился на свет. На определенном этапе, вырастая, начинаешь понимать: он тебе уже не принадлежит. Как гнездо для птенца: вытолкнули из него родители и в это гнездо птенец уже никогда не возвратится. Птицы? Ах да, это из не такого далекого будущего моего мира, они во-вот должны возникнуть. Ладно, забудем Уранию, забудем сородичей, не могу долго в их присутствии находиться! И чего греха таить, раздражает тот факт, что кроме тебя во вселенной еще 99 существ, нисколько не ниже

тебя по могуществу! Если бы не долг, вообще бы никогда из своих мини-реальностей не высовывался, ведь в них я единственный, неповторимый и самый главный. Итак, вернемся к нашим баранам (которых, кстати, так же в моем мире пока не существует) и посмотрим на чем мы остановились... вернее, меня Хроно прервал. Ах да, направлен патрон трансмутации на один из неустойчивых, слабых видов звероящеров, близких к исчезновению, и на земле появились первые млекопитающие. И мы сразу же столкнулись с тем, что этот вид, едва возникнув уже близок к вымиранию. А ведь он в перспективе очень прогрессивный, способный трансформироваться в недалеком будущем в лимуров (к нам, лимурийцам это название не имеет никакого отношения, случайное совпадение), те, в свою очередь – в приматов, а там и до хомо сапиенс недалеко, какой-то миллион лет. И все же, несмотря на развитую нервную систему, сообразительность и любопытство, ему крайне трудно противостоять гигантским бронированным ящерам. Так, теперь я вижу, что если он в этих условиях выживет, то пойдет совсем не по тому эволюционному пути, который предусмотрен для возникновения человека. Будут развиваться качества, аналогичные качествам динозавров, а они ему совсем не нужны, нам не нужны новые супергиганты и супербойцы! Что ж, похоже здесь, в буфере, на уровне информационной матрицы во всем не разобраться! Если военный начальник хочет провести военную кампанию успешно, он должен отважиться

на личную рекогносцировку на местности! (это тоже из будущего разумной расы...). Что-то мне стали всякие недопустимые сцены грядущего насилия в голову лезть, а ведь я боялся их в перспективе избежать... насколько возможно... а сам же теперь пользуюсь военными аналогиями. Откуда эти мысли? Не иначе мне этот неведомый некто подобные сравнения внушает. Неужели он так прочно в моей мини-реальности обосновался, что уже способен и на сознание Создателя влиять? Впрочем я сам делал уступку за уступкой, позволил основательно вмешиваться в мои дела. Все же надо найти способ его выявить и с ним встретиться... в конце концов, кто здесь хозяин, он или я?! Смутно помню, что на синклите мы эту проблему обсуждали, только не помню к чему в конце концов пришли. Нет, ну не глупо ли синхронизироваться, битый час обсуждать какие-то наболевшие вопросы, чтобы потом в собственной мини-реальности ничего не помнить! И даже не помнить, было ли это всегда или только в последнее время! Ну ничего, в конце концов мне до этой макро-реальности особого дела нет, а здесь мне в моем родном мире я очень неплохо ориентируюсь и знаю каждую былинку, каждое деревце, каждого динозавра... вот дьявол! Опять эти динозавры! Вроде бы – мои биологические предки, которые были постепенно видоизменены духовной монадой, а путают мне все карты и я начинаю их тихо ненавидеть. Жрут все новое, прогрессивное, думают только о своем брюхе и не желают считаться с тем, что требу-

ет прогрессивная эволюция. Разумеется, тут я имею в виду хищников, травоядные-то еще ничего – тихие огромные идиоты... и большинство не агрессивны. Впрочем есть и исключения, некоторым травоядным чтобы выжить пришлось обзавестись средствами защиты, а следовательно и агрессией. Тому же трицератопсу и стегозавру лучше на пути те попадаться – уж раз бог быстрых ног не дал – значит надо каким-то другим способом обороняться. Правда жрут они тоже немеряно и если даже каким-то образом убрать хищных ящеров, то тихие вегетарианцы так размножатся, что сожрут все леса и ничего не останется моим крошкам-млекопитающим. Получается, убирать хищных рептилий, не тронув травоядных невозможно! Вот ребус, уж травоядных-то я не хотел трогать, пусть себе пасутся, ан – нет, все завязано, ни одно звено не выкинешь! А все этот таинственный некто, так все запутал своим естественным отбором, что теперь и не распутать! Ладно, хватит мысленные монологи гонять, пора сориентироваться на местности, сидя в буфере, каши не сваришь (каша, кстати, это тоже из далекого будущего).

Иего с неохотой прервал поток размышлений. Когда он размышлял, он ничего не видел, не слышал вокруг, самоанализ был его любимым занятием, он не раз себя упрекал, что если бы меньше занимался самоанализом и больше уделял внимание своему миру, то возможно сейчас не было бы таких проблем, какие скопились за все эоны эволюционного

развития на земле. Итак Иего вынырнул из своих размышлений в реальность. Это пока не была земля, это был буфер, промежуточное пространство тесно соприкасающаяся с Энрофом творческого мини-мира под названием земля. Иего назвал его Раем, и придал ему образ, который в дальнейшем должен был сложиться о нем у разумной расы на этапе мифотворчества – то есть что-то вроде чудесного, фантастического сада, словно бы плавающего в облаках, а сам он в виде пантократора Иеговы восседал на одном из этих облаков как на царском троне. (В далеком будущем, когда у разумной расы приматов возникнут государственные образования и их правители, будет такой обычай – восседать этим правителям на драгоценных креслах – тронах во время приема делегаций и подписания государственных хартий. Вот он эту идею трона на котором сидит самодержец в буфере и осуществил). Итак, сидя на облаке, Иего окинул взор свой Райский (или Эдемский) сад, который раскинулся от горизонта до горизонта. И снова по привычке задумался. Кажется все эти роскошные гигантские цветы и вообще – растения он где-то в другом месте недавно видел. (На самом деле почти всю пышную флору Эдемского сада он перенес с Урании в качестве информообразов и воплотил их здесь, в буфере, придав этим фантастическим пышным растениям ухоженный вид – то есть из зарослей превратил в искусно ухоженный сад, какие (разумеется с другими растениями) будут популярны в будущем обществе Хомо сапиенс.

Правда сейчас, как и многое из того что было с ним на Урании, Иего забыл и ему казалось, что всю эту роскошную растительность он материализовал по собственному проекту). Кстати, флора была не единственным объектом этого фантастического сада, раскинутого в облаках. С цветка на цветок, с куста на куст, с дерева на дерево перелетали дивные красочные создания: духи и Фейри, выглядящие вполне разумно. (На самом деле они являлись фантомами и их сознательность была вторична, не самостоятельна, сознательными их делало присутствие Иего, его мощная ментальная энергия, которая могла принимать облик любых мыслеобразов – в данном случае – разнообразных духов и Фейри, которые создавали у Иего видимость общения с другими существами и скрашивали одиночество. Хотя следовало признать, что в действительности происходило общение себя с собой, поскольку каждый фантом был воплощенной мыслью самого Иего. Впрочем он весьма искусно абстрагировал один мыслеобраз от другого).

Почувствовав, что их повелитель вышел из трансовых размышлений, веселая стайка, состоящая из златокудрых эльфов, трогательный фей со стрекозиными крыльями в остроконечных колпачках, гибких сильфид и несколько человеколицых птиц-Гамаюнов закружились вокруг облака, на котором восседал величественный старец – Иего в облике пантократора Иеговы, осыпая его голову, осиянную золотым нимбом, разноцветными лепестками то ли сорванными

с ближайших мелких цветов (не страшно, лепестки на них мгновенно восстанавливались), то ли материализованными их камерным домашним волшебством. (Все же Иего наделил их определенной самостоятельностью и устойчивостью таким образом, что даже когда он ненадолго покидал пространство буфера, они не исчезали, не рассыпались золотой пылью, но вполне могли пережить его отсутствие, правда испытывая при этом тоску оставленности, предаваясь своему маленькому феерическому горю. Иего не любил покидать буфер надолго, ему не хотелось доставлять страдания маленьким хрупким созданиям – пусть они и были всего лишь плодом его могущественного ментального поля). Фейри запели забавный хорал, восхваляющий мудрость и щедрость Творца, а кое кто заиграл на золотых лютнях, арфах и трубах. Иего невольно улыбнулся: эти существа его искренне трогательно любили и не могли представить свою жизнь без его зримого или незримого присутствия. Что ж, по его меркам он немалое время провел на Урании и даже слегка потык от этих восторженных славословий, а ведь порой они его сильно раздражали и он даже иногда шутливо гнал от себя прочь эту разноцветную суетливую стайку. Хотя, с другой стороны – они ведь частички его самого, его материализованных мыслеобразов, они по сути – его собственное славословие себе великому, и это он сам себя раздражает не в меру ретивыми «Осанна, Осанна, Осанна...»

– Ну, – хватит, – махнул он рукой назойливой стайке, ле-

тите к себе, займитесь наведением порядка в Эдемском саду, а то в мое отсутствие вы его слегка запустили. Кусты не подстрижены, на эфирные тропки листья с лепестками нападали...

Конечно, он мог бы привести сад в порядок одним лишь усилием мысли, но надо же этих милых существ чем-то занять, они от безделья дуреют и начинаются всякие сплетни, склоки. Все от скуки... кстати, а не от скуки ли и они сами, великие демиурги плодят все эти миры. Нет, это лишком банально, они заняты величайшей созидательной работой, а скука – удел низких существ.

Итак, Фейри, весело щебеча, разлетелись по разным уголкам Эдемского сада, и тут из пышных кущ, оплетенных немислимыми орхидеями, вышли просветленные звери – так же его материализованные мыслеобразы: огнегривый лев, синий вол, исполненный очей, вскоре к ним спустился и золотой орел небесный. Звери и птица устроили веселую игру в догонялки, прыгая с облако на облако, время от времени срываясь в высокую изумрудную траву, по которой облака переваливались туманными клубами. Разумеется, эта игра так же была предназначена ему, великому (он иногда любил наблюдать их занятные пирруэты), при этом переговаривались звонкими человеческими голосами и задорно зазывали Иего в свою веселую свару... впрочем Иего никогда не снисходил до игры с собственными фантомами. Вскоре из рощи гигантских секвой вышли несколько слонов,

носорогов и жирафов и так же приняли участие в веселых догонялках. Эти животные были им выдуманы и облачены в эфирную плоть так же как и его собственный образ пантократора Иеговы, и такие же точно животные должны были в конечном счете возникнуть и в мини-реальности земли в далеком будущем. Это некий проект, идеальные образы, мини-матрицы и к ним, как к идеалу будет стремиться земная эволюция, подгоняемая Его мощнейшим энергетическим паторном. Правда с какого-то времени в этот паторн стал активно вмешиваться и естественный отбор, организованный невидимым некто, так что – не факт, что получится именно то, что он воплотил в этих ментальных матрицах. Впрочем он, Иего – хозяин в своем мини-мире и он не допустит, чтобы кто-то посторонний переписывал его Провиденциальный план, внедрялся в его информационную матрицу. Кстати, людей в его Эдемском саду пока нет, есть только проект, что они в чем-то будут походить на его самых изящных Фейри – эльфов и фей, только, конечно, без крыльев и поглубже сложением. Почему он до сих пор не сгустил эктоплазму, не создал информо-проекты первых людей он сам не знал, что-то его каждый раз останавливало, и он сам не понимал причин своей нерешительности, успокаивая себя тем, что ему пока достаточно и фей с эльфами, ну и еще занятных гномов и хоббитов. Нечто похожее будет представлять из себя и человек.

Иего рассеяно наблюдал за играми эфирной фауны. Здесь

были самые разные представители животного мира будущего в своей идеальной форме. Иего запрограммировал их всех и теперь они словно бы демонстрировали себя, чтобы пантократор по забывчивости не пропустил кого-то из них при воплощении в земной реальности. Каждый из них являлся эфирным прототипом с которого будет делаться материальный слепок, вот только насколько удачно произойдет копирование, ведь ожидается столько помех, столько неучтенных факторов – он уже убедился, что в его материальной мини-реальности слепок с идеального образа осуществляется с большим трудом и заметными искажениями. Так ли будет прекрасен в земном воплощении каждый из этих зверей, как он задумал? Как знать, как знать. Гипотетический наблюдатель, окажись он сейчас в эдемском саду наверное задал бы вопрос: а где все эти рептилии, земноводные, кистеперые рыбы, которые сейчас населяют мини-реальность Иего? Почему их нет в эдемском саду? Разве они не требовали своих эфирных прототипов, для последующего воспроизведения в плотно-материальной реальности земли? На это бы Иего ответил: нет, никогда этих тварей не видел эдемский сад, поскольку в нем пребывают лишь матрицы конечных продуктов земной эволюции, коими гигантские ящеры и их современники не являются. Но в каждой эфирной матрице конечного эволюционного продукта содержится вся промежуточная информация становления, все его причинно-следственные цепочки или, как сказал бы генетик – филогенез, ко-

торый включает в себя и длительное существование гигантских ящеров. Они не являются целью эволюционного потока, они лишь его эволюционное звено, не достойное особого воплощения в эдемском саду, и с этой точки зрения Господь сотворил все твари в их окончательном облике.

Иего еще раз окинул взглядом свой чудесный сад и подумал, что динозавры здесь и вправду были бы неуместны. Впрочем он опять отвлекся, как это с ним в последнее время постоянно происходит. Собственно сейчас ему нужен не буфер, не эдемский сад, а Энроф – пространство земного мини-мира. Иего помахал рукой своим эфирным творениям и скрылся внутри центрального троновое облака, что вызвало жалобные завывания животных и горестные рыдания раннимых Фейри – ничего не поделаешь, если обращать на них внимание, то вообще никогда с места не сдвинешься и вечно будешь слушать их дурацкие песнопения, а земля, тем временем, ждет его присутствия; а эти эфирные создания – ничего, поплачут и перестанут, тем более, они и не настоящие в полном смысле этого слова.

ГЛАВА 6. Низвержение

...Печальный демон – дух изгнания

Летел над грешною землей...

Откуда эти строки? Ах да, это же из далекого будущего его мини-реальности, так напишет один великий поэт.

Нет, летел над грешной землей конечно не демон, а пантократор Иегова. Он вынырнул из буфера в Энроф как раз в тот момент и в том месте, где разыгралась сильнейшая тропическая гроза. Месиво свинцовых туч изливало на первозданные леса миллионы тон воды и молнии с чудовищным грохотом вспарывающие глухое чрево ночи сливались в почти непрерывный пульсирующий сполох.

– Есть в этом громокипящем кубке что-то дьявольское, – подумал Иего в каком-то непонятном приподнятом возбуждении, – что-то он не припоминал у себя раньше подобного состояния, – кстати, откуда это выражение «громокипящий кубок»? – ну конечно, тоже из будущего, так напишет еще один великий поэт, кажется из того же этноса, что и тот, который напишет про демона и Тамару.

Тут Иего снова вспомнил образ злого духа, который появится как некий отрицательный персонаж в ноосфере земли в период создания религиозного мифотворчества. Появится и прочно войдет в фольклор, в метафорическую образность мышления людей, как отрицательный полюс тьмы,

который всегда имеется там, где присутствует положительный полюс света. Разумеется, в роли самостоятельной личности, отдельного объекта, он не предусмотрен, Иего не нужны подобные страшилки, но грядущее человечество проявит непреодолимую склонность к конкретизации в силу слабого абстрактного мышления. Просто философская категория их не устроит, поэтому они создадут усредненный образ. Интересно, как он будет выглядеть в их представлении? Впрочем все это уже заложено в его провиденциальном плане.

Иего оглядел утонувшие в свинцовых тучах дали, освещаемые непрерывными вспышками молний и разглядел своим всевидящем оком каждое живое существо, забившееся в эту страшную ночь кто куда смог: кто в глухой кустарник, кто в нору, кто – в силу размеров, – просто в густую чащу, и почувствовал животный страх каждого из этих существ перед величественным, грозным, непонятным. О, они своими жалкими мозгами не способны были почувствовать присутствия ЕГО, пантократора, Великого сына света, хоть с точки зрения космической реальности он был бесконечно более реален в своем вечном присутствии, чем каждый из них, быстротечных, беспомощных перед стихией. Что толку в их гигантских зубах, бронированной коже и могучих мышцах, все это не способно уберечь от ненастья. Сейчас каждый из них ощущает только нечто темное, страшное, безжалостное, поскольку никаких положительных образов света и добра (которые даже тупые ящеры способны чувствовать) не может

появиться в этих крошечных мозгах, которые способны делить ближних только на тех, кто нападает и тех, кто убегает. А что грядущее человечество? На стадии религиозного мифотворчества они несомненно будут персонифицировать злые силы природы в доступные им образы, и появятся черти, дьявол, Сатана. Иего улыбнулся и подумал, что конечно образ грозного Бога-громовержца, мечущего молнии из тучи в злых духов, вполне может укорениться в их головах на определенном этапе мифотворчества, но все же в такую страшную ночь куда уместнее образ великого демона, допустим, Вельзевула, Сатаны или Гагтунгра. Изменить свой облик не представляло для Иего никакого труда: если уж он вынырнул в Энроф земли со стихами какого-то поэта, который возможно появится на земле где-нибудь через 60 миллионов лет, то почему бы некоторое время не побыть в этом образе? А что? Ночь и погода располагает, к тому же никто разумный не увидит его сейчас. В следующую секунду сквозь густые клочущие тучи летел уже не светлый, но грозный пантократор Иегова в длинной белоснежной тоге и ярким нимбом над головой, но громадный лиловый атлет, словно бы высеченный из мраморной глыбы, с гладким, зловещим, и печальным лицом, голым черепом и когтистыми крыльями циклопической летучей мыши за плечами. Взор его пронзал и испепелял пустынный горизонт... Впрочем и без этого взора молнии подожгли немало деревьев, и если бы не потоки дождя, в густой сельве несомненно бы разыгрался грандиоз-

ный пожар.

– Вот так будет выглядеть демон, средоточие злых сил, в воображении будущего человека, – с усмешкой подумал Иего, – да, вместо нимба можно еще козлиные рога к голове пристроить, как у рогатых ящеров. Впрочем, подобные рога будут и у некоторых млекопитающих – например козлов... можно, конечно и хвост добавить. Прочем, нет хвост и копыта будут украшать мелких духов зла, чертей, демону же более высокой иерархии все эти атрибуты животных не к лицу, животное зло – удел низших духов, верховному и рога не к лицу, разве что только в определенных ипостасях, например во время шабаша в Вальпургиеву ночь. В следующий момент летящий над ночным лесом атлет приобрел черты существа, которые в далеком будущем углядит в этом образе полубезумный художник и создаст своего живописного низвергнутого длемона – того, которого ранее опишет поэт. На лысом черепе тут же пропали рога и появилась длинная черная как смоль спутанная дождем и ветром шевелюра, а лицо приняло зловеще-прекрасные черты в которых читалась древняя скорбь изгнанника.

– Вот теперь, – усмехнулся Иего, – все верно: «Печальный демон, дух изгнания, летел над грешною землей...». Кстати, земля действительно в его присутствии становится грешной. Почему, не знаю, но такое чувство, что эти жестокие ящеры, пожирающие плоть, пока еще не ведают, что творят, а следовательно не ответственны. Но стоит в мире по-

явиться ему, злему духу, как тут же в мире возникнет кристаллизующееся зло и осознание собственного творимого зла в самом зачаточном состоянии, разумеется без раскаяния, появится уже и у этих тварей. И будет грех и его неизбежная составляющая – ответственность за содеянное... бред какой-то, какое осознание греха может быть у безмозглых ящеров? И потом, разве тиранозавр виноват, что он родился хищником и не может поддерживать свою гигантскую плоть ничем иным, кроме пожирания чужой плоти? – и все же Иего почему-то знал со всей уверенностью, что независимо от уровня сознания и невозможности иного способа существования, с появлением персонифицированной злой силы и грех и карма будут в какой-то мере давить даже над самыми примитивными существами, а значит будет и расплата. Какая? Пока не ясно. Получилось так, что этот закон установил не он, Иего, но тем не менее присутствие этого артефакта в провиденциальной матрице уже отчетливо угадывается. Это снова работа неведомого некто, и его влияние на земные процессы усиливается с каждым днем, с каждым годом, с каждой эпохой.

Почему-то Иего стало не по себе, он вдруг подумал, что этот грозный образ, который он принял вроде бы в шутку, совершенно не совместим с его истинной природой сына света, и он, словно бы чего-то устыдившись снова принял облик пантократора Иего (хотя, что значит облик? Чистая условность, он что, в образе человеко-динозавра более эстетично

выглядит)? В тот момент, когда он менял образ, возникло странное не контролируемое ощущение, что из него что-то темное исторглось во вне. Когда же через мгновение очередная вспышка осветила горизонт, ему показалось, будто где-то вдалеке в сплошном облачном мареве появилась летящая фигура, как бы выразился современный ученый антропоморфного телосложения, правда с гигантскими когтистыми крыльями за плечами. Именно так только что выглядел Иего, и это наверняка была просто его тень, возникшая во вспышке молнии. Впрочем, обмануться (даже если бы очень хотелось) мог кто угодно, но только не лимуриец, его сознание тут же включило функцию ночного видения, и он убедился, что это не собственная его тень и не обман зрения (какой может быть обман зрения у Творца целого мира!). Впереди него и вправду летело существо в точности похожее на того высеченного из мрамора атлета-гиганта с развивающимися, темными как смоль волосами, как несколько мгновений до этого выглядел сам Иего.

– Это еще что такое, – подумал великий демиург, – еще один симптомчик наступающего маразма? С какой это стати я начал произвольно фантомов творить? Да тем более не в буфере, а в Энрофе? У меня ведь не было планов здесь свои ментальные образы материализовывать, тем более такого жутковатого вида! Одно дело – Фейри, сильфиды, фавны, райские животные, а это-то что за чудище? Впрочем, насчет чудища – это я, наверное, зря, во первых он по-своему кра-

сив, а во вторых – это же точная копия того образа, который я сам только что принимал: Печальный демон, дух изгнания! Наверное это навеяли на меня еще ненаписанные человеком строки! Сентиментальным становлюсь и силы перестаю контролировать. Ладно, невелика беда, сейчас мы его развеем, благо, что это продукт моей ментальной энергии.

Иего подумал как лучше развеять невольно материализованный им призрак, и решил, что в такую демоническую ночь лучший способ – молния. Он притянул к своей деснице готовящийся к прорыву разряд и запустил гигантский электрический зигзаг в летящую в отдалении фигуру. Промашнуться он не мог. На мгновение существо озарилось ярчайшим голубым пламенем аннигиляции и исчезло. И тут произошло нечто непредвиденное: антропоморфная сущность не исчезла, но превратилось в облачко, словно бы состоящее из мириадов черных шипов (что оно состоит из дискретных частиц на таком расстоянии мог углядеть только Иего с его универсальным зрением). Затем это аспидное облачко просыпалось этими шипами вместе с продолжающим бушевать ливнем, и достигнув поверхности земли, вспыхнуло ослепительным плазменным шаром – как сказал бы современный гипотетический наблюдатель – маленьким ядерным взрывом... положившим вокруг себя добрую сотню гигантских деревьев.

– Вот те на, – удивился Иего, – я же собирался его без последствий развеять! Как совершенно незапланированный

побочный продукт. А он таких бед натворил! А ведь данное разрушение в моем провиденциальном плане не предусматривалось и это может привести к некоторому нарушению Великого равновесия, а значит и история земли может пойти по-иному. Что же это я такие ляпсусы допускаю?! Квалификацию потерял, непростительно в моем статусе!

Чтобы более детально оценить незапланированный ущерб, Иего пошел на снижение, завис над здоровенной воронкой, вокруг которой где догорали, где дымились поваленные деревья, затем нечто на дне воронки привлекло его внимание, и он медленно опустился на край зияющего жерла. На самое дно ему почему-то не захотелось опускаться и он сам не мог понять причины своей нерешительности, учитывая тот факт, что им созданный мир был полностью ему подконтролен. По крайней мере должен был быть, как считалось десятки миллионов лет. Впрочем события последнего эона, которые мы тут описали вносили некоторые коррективы в его убежденность; может быть это и привело Иего к странному чувству неуверенности и тревоги, которые прежде были ему абсолютно несвойственны. Даже в реальности синхронизации, которая изначально не была подконтрольна ни одному лимурийцу, ему было нечего опасаться. Конечно, сам по себе катаклизм подобного масштаба не мог как-то радикально повлиять на ход эволюции земли. Какой-нибудь серьезный вулкан, цунами или продолжительная засуха бед могли натворить куда больше, чем этот небольшой по мер-

кам планеты взрыв, но все естественные цунами, вулканы и смерчи были заранее учтены в информационной матрице мини-мира земли и входили в сложнейшую взаимосвязанную систему причин, следствий, флуктуаций и противовесов, которые в своем интегральном единстве и составляли баланс Великого равновесия, его всеобъемлющую формулу для отдельно взятой реальности. Неучтенных мелочей тут не могло быть, поскольку всю эту гигантскую систему взаимодействий и соответствий можно было охарактеризовать шотландским стишком: не было гвоздя – лошадь захромала, лошадь захромала – командир убит... армия разбита, армия бежит. Враг заходит в город, пленных не щадя, потому что в кузнице не было гвоздя. Поэтому, собираясь запустить молнию в ментальный фантом, Иего рассчитывал на абсолютную изолированность процесса: объект должен был исчезнуть, как исчезает мысль без каких-то внешних последствий. Собственно и молния была притянута для вида, поскольку Иего был не чужд театральным эффектов – она и без того бы ударила в соседнюю тучу в то же мгновение, а значит данное событие абсолютно вписывалось в сумму причин и следствий Провиденциального плана, а следовательно никак не могло нарушить великое равновесие! А тут вдруг такое! Никаких шипованных облаков не было предусмотрено в его творческой мини-реальности.

В этот момент что-то зашевелилось на дне темной воронки глубиной в несколько десятков метров. На минуту вели-

кому демиургу показалось, что тьма сгустилась еще больше, затем эта тьма в нескольких местах была изнутри вспорота красноватым тлеющим пламенем, словно на груду почти угасших углей подул сильный ветер и оживил доселе невидимые тлеющие участки. Затем вся эта груда углей взметнулась ввысь, словно доселе только прикрывала скрытую под ней фигуру, и тогда на дне воронки возник тот самый «печальный демон, дух изгнания, который еще несколько минут назад казалось бы сгорел в синем анигиляционном пламени. Своими размерами он примерно соответствовал комплекции и росту Иего, впрочем это не имело значения, поскольку сам Иего мог менять свои формы и габариты как ему вздумается. Вот только если глаза пантократора сияли небесным звездным светом, то у неведомого существа они напоминали тлеющие угли так, словно изначально охвативший всю массу угля рубиновый огонь сконцентрировался где-то за глазами, словно за ними открывалась бездна, в глубине которой тлели огни адского пламени. Не успел Иего как-то среагировать на воскрешение им же самим созданного призрака, как существо сцепило руки над головой и метнуло в Иего молнию, но не ослепительно-белого, а тлеюще-рубинового цвета. Все это было настолько дико для великого иерофанта, безусловного хозяина своего творческого мини-мира, что он даже никак не среагировал на энергетический удар, способный испепелить любой материальный объект. И пока он стоял, объятый рубиновым пламенем и горел, как могло по-

казаться бы стороннему наблюдателю, темное существо совершило гигантский скачок и оказалось на краю воронки, неподалеку от пылающего Иего. Впрочем горел наш демиург не по-настоящему, поскольку проникая в пространство созданной им реальности, он не являлся материальным объектом и представлял из себя сийру – определенным образом структурированное ментальное поле, которое какой-нибудь спиритуалист конца 19 века назвал бы ничего не значащим словом «эктоплазма». Разумеется, Иего мог бы и не вспыхнуть, если бы ожидал нападения, и весь заряд обернулся бы против его пославшего, однако то, что произошло было настолько неслыханно для создателя миров, что великий иерофант впервые за миллионы лет оказался в замешательстве. Впрочем замешательство его длилось долю секунды, надо было прояснять ситуацию, устанавливать личность незнакомца, который, как оказалось не являлся спонтанной флуктуацией его ментального поля (иначе бы ни о какой ответной агрессии, да и самом воскрешении из пепла не могло быть и речи). Иего вышел из пламени, оставив его догорать в стороне, словно обозначив своими контурами то место, где только что стоял, и грозно, как того требовал образ в котором он собирался являться первым пророкам своего культа (какому-нибудь Аврааму или Моисею) обратился к незнакомцу:

– Я – пантократор, Творец этого мира, я не звал и не создавал тебя. Кто ты и как попал туда, куда тебя не звали? –

(теперь Иего не сомневался, что незнакомец, который явно не был лимурийцем, так же и не являлся и флуктуацией ментального поля Иего, как его Фейри и чудесные животные. Он и был тем неведомым некто, который уже давно вмешивался в информационную матрицу земли и ухитрился весьма основательно подкорректировать Провиденциальный план, абсолютно не согласуясь с мнением пантократора). Печальный демон оценивающе окинул фигуру великого демиурга и улыбнулся странной улыбкой, совсем не свойственной лимурийцам, в каком бы облике они не находились (Иего вообще почти никогда не улыбался)

затем низким голосом проговорил:

– Я часть той силы, что вечно стремясь ко злу, невольно совершает благо. Однако я не ожидал, что ты так быстро очущаешься после моего удара... по-видимому я тебя недооценил. Тот же вопрос могу задать тебе и я: кто ты и что тебе здесь надо? Впрочем я догадываюсь, ты тот, кто постоянно вмешивается в информационную матрицу и мешает установить в этом мире нормальный, рациональный порядок.

«Где-то я эти первые строки уже слышал, – подумал Иего, – ах да, их напишет еще один гениальный поэт через много миллионов лет. Любопытно, что мой визави их тоже знает, хотя они должны быть известны только мне. Однако этот инкогнито либо не понимает, кто перед ним, либо ведет непонятную игру. Кто же на земле может так говорить с пантократором? Так фамильярно даже мы, лимурийцы, равные

друг другу не общаемся между собой».

– Но ты не ответил на мой вопрос, – снова вернулся к начальной теме Иего, – мир, в котором ты находишься, создан мной, демиургом Иего. Все, что ты здесь видишь – плод моей творящей силы, которая, постоянно видоизменяясь кажется отдельной от своего Творца, однако это иллюзия, я и этот мир едины и без моего оживляющего присутствия он исчезнет в одно мгновение, как моя угасшая мысль. Единственное, что я здесь не создавал и не предусматривал – так это тебя, кого вначале принял за спонтанную флуктуацию моей ментальной энергии, хотя вроде бы и не собирался создавать ничего подобного. Именно поэтому я решил развеять собственный морок, послав в тебя молнию, однако ты не развеялся и воссоздался, что свидетельствует о твоей самостоятельности и отдельности от моего ментального поля. Теперь я уже вижу, что погорячился, поскольку небольшой взрыв, который тут произошел совсем для меня неожиданно, может в дальнейшем иметь непредсказуемые последствия, он не был предусмотрен в информационной матрице.

– Так ты меня в этом собираешься обвинять? – нагло сверкнул на Иего рубиновыми глазами печальный демон (впрочем никакой печали в его поведении пантократор теперь не улавливал – скорее – кураж и то, чему он не находил названия), – сам же в меня молнию пулянул ни за что, ни про что, когда я просто летел над землей и любовался мощью разбушевавшейся стихии, а теперь переживаешь за послед-

ствия! Я и не разобрался сперва, чья это работа, но на всякий случай ответил ударом на удар по первому же объекту, который попался в поле зрения. Интуиция меня не подвела, это ты хотел меня поджарить – значит я ответил по адресу – не люблю пустого сотрясения воздуха или когда невинный зря страдает. Так что ответ мой был, к счастью, адекватен, но к сожалению – безрезультатен, похоже мой удар не произвел на тебя должного впечатления. И это прискорбно, поскольку плата око за око – фундаментальный принцип справедливости.

– Как я вижу, ты тоже не пострадал от моего удара, – несколько снизил тон Иего, – но ведь я считал тебя призраком, я не мог предположить, что ты мыслящее, независимое существо. Такового не могло здесь без моего ведома появиться. Впрочем, я лукавлю, я уже давно наблюдаю, как некто, мне неизвестный, неведомым образом появившийся в моей творческой реальности, вносит артефакты в информационную матрицу, что осязательным образом меняет вектор земной эволюции. Вынужден признаться, некоторые поправки избавили меня от ряда проблем, правда и поправили мои этические императивы. И все-таки, раз уж мы встретились и ты оказался совсем не тем, за кого (вернее, за что) я тебя вначале принял, объясни, кто ты такой, почему наша величайшая цивилизация во вселенной – по крайней мере в зоне нашей деятельности – не сталкивалась с тобой или тебе подобными ранее, и каким образом тебе удалось внедрить-

ся в мир, мною созданный, да еще насадить здесь свои порядки? И почему я не встречал до сего момента тебя лично, хоть полностью контролирую это пространство и отвечаю за каждую былинку, здесь существующую. И раде всего сущего, не начинай цитировать поэтов далекого будущего, которые напишут эти строки не ранее, чем через 60 миллионов лет. Вынужден признать: твоя информированность о грядущем творчестве запрограммированной цивилизации свидетельствует о том, что ты без моего ведома хорошо покопался в информационной матрице.

– Трудно ответить на вопрос, на который нет конкретного ответа, – повел могучими плечами печальный демон, – дело в том, что осознал себя, как отдельную личность, я совсем недавно, вдруг поняв, что лечу среди этих великолепных грозовых туч, освещаемый блеском молний и поливаемый потоками дождя. Мне кажется, что до этого момента я был кем-то другим... или другими... это трудно передать, мое сознание возникло не сейчас, мне кажется, оно бесконечно древнее, и в то же время у меня держится странное чувство, что оно словно бы состояло из кусочков. Словно кусочки мозаики взяли и собрались в цельную картину. Ах да, мозаика еще не изобретена, но не важно, через 60 миллионов лет мое сравнение будет понятно каждому. Впрочем, пример этот, кажется, примитивен, ведь каждая ячейка не была просто кусочком цветного стекла, она, пожалуй, была целым миром. Правда мне, словно бы собранному заново

во, трудно осознать каждый из этих фрагментов – наверное надо будет на досуге их специально поизучать, тогда, наверное, я смогу рассказать о себе поподробнее. Единственное, что меня не покидает, это чувство, что один из кусочков являлся и ТОБОЙ тоже. Правда ты был не единственный, их было много. А насчет матрицы, которая так тебя беспокоит, я точно сказать не могу, я уже говорил, что пока еще плохо помню свой каждый фрагмент в отдельности, тем не менее сейчас у меня возникло чувство, будто я действительно немало в ней поорудовал – как бы будучи тобой. Иначе ведь туда нет доступа никому постороннему. Правда, как это могло быть – понятия не имею. Кстати, таких матриц на самом деле было немало, на твоей свет клином не сошелся, такое держится чувство, что последние несколько миллионов лет – только и делал, что вносил различные рациональные коррективы в очень большое число матриц... точно не помню. Но помню, что все они были написаны словно под копирку, но только до определенного исторического момента, до которого еще топать и топать не один эон – с этого момента начинались различия. Орудую в твоей или иной матрице я каждый раз был кем-то другим... нет, пожалуй мозаика – не точно, скорее – голограмма, ведь если голограмму разделить на множество частей, в каждой части будет представлено целое в миниатюре – правда, упрощенное – и тем упрощеннее, чем больше частей. Принцип фрактала... так что не удивительно, что я не могу вспомнить каждую частич-

ку своей личности во всех подробностях – они слишком размыты. Зато сейчас я максимально полно ощущаю себя цельной, интегральной личностью! Так что – печальный демон с явным вызовом посмотрел в глаза великому иерофанту, – наверное ты действительно имеешь прямое отношение к моему появлению, как к цельной личности, папаша!

– И сколько же таких частей ты в себе ощущаешь? – взволнованно спросил Иего, пропустив фамильярное «папаша», с тем же основанием его могли бы назвать и «мамаша». В его голове уже зарождалась некая догадка, которую он пока не мог сформулировать в целостную идею.

– Точно не могу сказать, таких фракталов достаточно много, поэтому они и дают весьма размытую картину целого... несколько десятков, может, сотня.

– СТО ОДНА?

– Точно, сто одна! Откуда тебе это известно?

– Это мне известно, поскольку я сам утвердил в своем мини-мире эволюционный закон сто первой обезьяны. И он, похоже, теперь ударил не только по мне, но и по всем нам.

– Это что еще за закон, – удивленно посмотрел на своего, как выяснилось, создателя печальный демон. Впрочем, Иего начинал понимать, что создателем был не он один, в этом в равной мере принимали участие, сами того не ведая, все 101 участник синклита – вся великая цивилизация лимурийцев, каждый из которой запрограммировал эволюционный закон 101 обезьяны в своих информационных матрицах

для ускоренного овладения живыми существами все новых и новых навыков, не связанных с естественным отбором. Как известно сегодня, если одна обезьяна, живущая на острове в окружении своих собратьев догадывается помыть в воде засыпанный песком банан, то через какое-то время по принципу подражания начинают мыть бананы и другие обезьяны, которые за этим процессом наблюдают. И как только число моющих бананы обезьян переваливает за сто, бананы начинают мыть так же и обезьяны, живущие на соседних островах, которые никак не могли видеть, как это делают первопроходцы на изолированном острове. Разумеется, данный закон запускается через информационное поле планеты. Но каким образом этот закон сумел запустить механизм появления печального демона, как некого нового персонажа вселенной? Ну конечно, кажется перед тем как разойтись по своим мини-реальностям выяснилось, что каждый из 101 члена синклита в своей религиозной системе, которую он собирался реализовывать в разумной цивилизации на этапе религиозного мифотворчества, заложил принцип антибога – существа, несущего отрицательный заряд, имеющий задачу оттенить положительный. Ведь свет, как объект, может восприниматься лишь на фоне тьмы, а там, где один лишь свет – не может быть множественности. Теперь также понятно, каким образом вносились корректирующие артефакты в информационную матрицу земли. Это делал он сам, Иего, собственными руками, когда его сознанием овладевал

печальный демон. Ведь получается, его частица присутствовала в существе Иего не один эон, очевидно, с того момента, когда он ввел понятие «антибога» в информационную матрицу земли. Видимо, в какие-то моменты эта частица переключала его самосознание на себя и тогда именно печальный демон руками Иего вносил в матрицу различные корректировки. Когда же это наваждение проходило, Иего ничего о том не помнил – он сам в последнее время констатировал странные амнезии – и ему казалось, что артефакты вносит кто-то извне, кого он почему-то никак не может обнаружить. Выходит так, что искать нужно было не во вне, а внутри себя. Да, невеселая ситуация вырисовывается, получается многие миллионы лет он сам не ведал, что творил! Ну, конечно, не всегда, только в определенные моменты, когда им овладевал дьявол. Любопытная формулировочка, где-то он ее слышал... ах да, это выражение будет распространено в среде человечества в эпоху религиозного мифотворчества. Как же могло получиться, что он, ответственный за целые миры, за себя самого в полном объеме отвечать не способен? Кстати, почему этот печальный демон только сейчас появился, как индивидуальное существо, если присутствовал в личности каждого лимурийца уже очень давно? И очень давно корректирует наши информационные матрицы? Видимо просто 101 го повтора было недостаточно, нужен был еще один последний повтор, как последний кристаллик в пересыщенном растворе, чтобы начался бурный процесс кри-

сталлизации, и этим паторном явилась его, Иего, странная фантазия внешне превратиться в печального демона: он внес в матрицу принцип формы и была запущена цепная реакция. Ну и вот перед нами Сатана собственной персоной, или как там его впоследствии люди назовут! И что прикажете с ним делать? Аннигилировать? Уже пробовали, не получилось, он, похоже, обладает всеми качествами бессмертного, какие присущи нам, лимурийцам, поскольку является плотью от плоти нашим совместным детищем. Да и потом, он же не является каким-то биологическим существом, его видимая плоть не имеет значения, он прежде всего – ментальное создание и отдельные части его сознания до недавнего времени находились в неких изолированных информопакетах в ментальной природе каждого из нас. Но даже, допустим, его удастся аннигилировать! Он же просто вернется к своему прежнему существованию, равномерно распределив свое сознание в информопакетах внутри каждого из нас, как какой-то ментальный паразит! А наше сознание устроено таким образом, что в себе мы ничего уничтожить не можем! И все будет по-прежнему... впрочем... а что если..?

– Что, решаешь мою участь, папаша? – нагло прервал его размышления печальный демон. Впрочем, сейчас он выглядел скорее веселым, – чувствую, ищешь способ уничтожить меня на корню? Но как же тогда быть с вашими лимурийскими этическими императивами? Всеобщее благо, ненасилие, любовь к ближнему и дальнему? Боюсь, что в реальной дей-

ствительности все получается не столь радужно, и не выходит кроткому ягненку бок о бок со львом возлежать! Скорее все – с точностью до наоборот!

– Начнем с того, что ни льва, ни ягненка в Энрофе земли пока не существует, – заметил Иего, – пока вершина эволюции – динозавры, и, как я теперь понимаю, их существование в том виде в котором они пребывают сейчас, во многом обязано твоему вмешательству. Пусть даже ты это моими руками осуществлял. Похоже, я в этот момент не ведал, что творил, но понял это только сейчас и ответственности с себя не снимаю.

– А вы-то сами, лимурийцы, разве не результат эволюции именно этого рода позвоночных? – нагло улыбнулся демон.

– Если ты знаком с нашей историей и законами фундаментального поля, то не можешь не знать, что наши биологические потомки не были плотоядным и агрессивным видом. И потом, тот объем эволюционной энергии, который был потрачен на то, чтобы вывести наш вид на тот уровень ментально-магического развития, на котором находимся мы в настоящее время, исключает использование динозавров в качестве претендентов на новый эволюционный авангард даже в мини-мире, который, как это ни прискорбно признать, во многом повторил путь Урании – нашей общей прародины. Мы полностью реализовали эволюционную программу нашего рода и теперь предстоит возвышение других родов до тех пор, пока все эволюционные цепочки не пройдут че-

рез процесс духовной реализации в фундаментальном поле. Так что новые динозавры бесперспективны, с них снята эволюционная санкция.

– Тогда зачем тебе нужно было вообще их создавать в твоей творческой мини-реальности? – усмехнулся демон.

– Так вышло, что я, в силу неясных мне до конца обстоятельств, пошел по проторенному пути, по которому уже прошла Урания. Как так получилось – не знаю, но для того, чтобы прийти к теплокровному роду млекопитающих, которые только-только возникли, необходимо было провести эволюцию через фазу рептилий. Почему-то я забыл, что это уже один раз происходило на Урании, и не подумал, что может быть возможны другие пути. В любом случае, что сделано, то сделано, но теперь уже ясно, что именно твое вмешательство привело к появлению на свет столь чудовищных форм этих самых рептилий.

– А разве на вашей Урании не так? – хитро улыбнулся бес.

– Об этом я не помнил, пока пребывал в творческой мини-реальности. Да, действительно, не так давно по меркам вселенной выяснилось, что на Урании полно хищников. Но там – совсем другое, это признак вырождения вида рептилий, поскольку он достиг эволюционного пика в лице нас, лимурийцев. Те же виды, которые явились биологической средой для нашего восхождения, могут подвергнуться инволюции, поскольку санкция эволюции держится только на верхушке побега. Известно, что до появления наше-

го вида все динозавры имели облагороженный образ, и только после того, как мы недостижимо оторвались в эволюционном плане, остальная среда стала вырождаться. К сожалению каждый из нас был слишком занят в своих мини-реальностях, жизнь на Урании оказалась пущенной на самотек. Мы не знали, к чему это приведет, а когда там уже появились хищные виды, было уже поздно. В макро-реальности менять ход эволюции и инволюции даже мы не в силах. Так что в том, что произошло там и происходит здесь, на земле, есть принципиальная разница: здешние динозавры должны породить новый класс, один из видов которого после ряда метаморфоз получит санкцию разума и духовности, в случае же Урании, род рептилий сам породил разумно-духовную популяцию. Как я сказал, наши предки были кротки и миролюбивы, и лишь после нашего выделения и эволюционного скачка, многие виды впоследствии инволюционировали до хищничества и каннибализма. Здесь же, на земле все это начало происходить задолго до явного выделения эволюционного авангарда. Теперь вся здешняя ноосфера буквально пропитана хищническими эманациями, и меня сильно тревожит, как это отразится на будущих носителях дара разума и духовности. Теперь-то я знаю, чья это работа, но, помимо этого выяснилось, что все это, по сути, сотворил я сам, своими руками, будучи в состоянии приступа... и этот приступ теперь стоит передо мной, выделившись в самостоятельную личность. Но как это могло произойти, какую ошибку совер-

шил каждый из нас, что привело к потере контроля над собственными действиями? Я не знаю! Миллионы лет нам казалось, что мы в совершенстве владеем магией миротворения, но оказалось, что мы ошибались и результат такого непротитительного самомнения сейчас передо мной.

– Ты не вежлив и неблагодарен, Создатель, – посерьезнел печальный демон, – разве ты не счел в свое время мои поправки твоими руками в информационной матрице вполне разумными и рациональными? Я прекрасно помню твои мысли по этому поводу, поскольку сам был твоей ментальной флуктуацией, системой конденсированного опыта в твоём сознании. Ты искренне считал, что введенный мною закон естественного отбора и вместе с ним – закон кармы-воздаяния, когда природа в автономном режиме отбраковывает неудачные создания, усвершенствуя тем самым выживших и сохранившихся очень удачным эволюционным решением, позволяющим сэкономить десятки миллионов лет. А придуманные мною болезни? Разве они не доводят до идеала биологические системы приспособления к внешней среде, разве не способствуют возникновению все новых механизмов выживания? И потом, разве ты сам не констатировал тот факт, что эти механизмы, позволяющие биологическим видам существовать в автономном режиме без твоей постоянной опеки, во многом облегчили твое существование? Что ты, благодаря этому, куда меньше тратишь времени и сил на поддержание жизнедеятельности твоего детища, имея возмож-

ность посвятить себя в полной мере занятиям собственной персоной и своим эдемским садиком в буфере? Признайся, это тебе куда больше по душе, чем постоянно выявлять и перекладывать на земле все незапланированные артефакты, которые далеко не всегда вписываются в проект Провиденциального плана! А так – все происходит само-собой, эволюция движется стремительно и не нуждается в твоих вечных розгах и пряниках!

– Ты прав во многом, – тяжело вздохнул Иего, – но лишь сейчас я осознал, куда приводит такая неконтролируемая эволюция! Да, я сэкономил массу времени и энергии за счет естественного отбора, в основе которого лежит принцип хищничества, но теперь мне страшно за будущего носителя дара разума и духовности, ведь он унаследует в себе на генном уровне это самое хищничество и жестокость своих пращуров. И я ничего уже не могу изменить! Весь эволюционный процесс стал неуправляемым и в эволюционную матрицу внесено столько коррективов, что я уже не могу отследить, куда заведет история грядущее человечество. И как не горестно признать, по сути я сам внес эти коррективы, ведь ты – мое порождение – как раковая опухоль которой подвержены многие животные, обреченные на гибель – тоже твой способ отбраковки испорченной генной информации. Правда ты был ментальной опухолью – и вот теперь принял вполне самостоятельный образ. Кстати, может, оно и к лучшему, теперь я чувствую, что освободился от тяжелой но-

ши, которая давно на мне лежит, и природы которой до настоящего момента я не понимал. Что ж, по крайней мере в дальнейшем я уже не исковеркую информационную матрицу земли своими руками.

– Ты настолько ненавидишь меня, папаша, – недобро усмехнулся демон.

– Я не знаю этого чувства, просто я вижу, что будущий носитель разума и духовности в результате сложившейся обстановки может стать чрезвычайно опасен. Впрочем он и не появится, пока на земле безраздельно властвуют рептилии. Похоже, ситуация зашла в тупик. Необходимо идти на крайние меры, я уже понял, что ты незаметно овладел всеми уздами правления в моем мире, еще даже не будучи самостоятельной личностью.

– Ну и что ты предпримешь? – дерзко сверкнул глазами на Иего печальный демон, – ты уже пробовал меня уничтожить и убедился, что это – напрасный труд: я перенял все твои качества неуничтожимости и бессмертия.

– Я сделаю несколько иначе, – голос пантократора принял стальные оттенки, – неудачные творения должны отбраковываться – это главный принцип твоего же естественного отбора. Я собираюсь уничтожить жизнь на земле – весь срез нынешнего эволюционного потока – и начну все с начала, исключив дальнейшее твое вмешательство. Будущая раса человечества, как носителя дара разума и духовности должна быть чиста, следовательно должны быть чисты и все его эво-

люционные предшественники. А насчет тебя – ты напрасно уверовал в то, что мне ровня. Да, я не могу тебя уничтожить, но я могу тебя изолировать. Ты забыл, что я создатель миров? Ну что ж, получай свой собственный мир, изолированный от мира земли, и хозяйничай в нем, как тебе вздумается. Ступай в Дигм, мое невольное и проклятое порождение!

Демон хотел что-то ответить, но очевидно он и вправду недооценил могущества Иего – движения его вдруг резко стали замедляться и первые же звуки, готовый слететь с губ фразы – наверняка дерзкой и язвительной – замерзли на устах. Через несколько секунд печальный демон застыл в полной неподвижности, затем образ его стал зыбким и туманным; постепенно вокруг него сформировалась темно лиловая сфера. Все это произошло от того, что Иего резко замедлил время вокруг печального демона, как бы изолировав его в собственном временном рукаве от основного хронального потока, при этом окружив ментальной информоматерией черной дыры. Теперь уже можно было не торопиться, поскольку для воплощения замысла Иего требовались определенные условия, а временной поток внутри фрактальной капсулы, куда поместил лимуриец печального демона, был замедлен относительно основного потока в миллионы раз, практически лишив демона возможности контакта с Энрофом земли.

Иего взмахнул рукой и, повинаясь величественному жесту, сплошная грозовая облачность в определенном месте

над горизонтом была разорвана. Тогда стало ясно, что небо уже немного посветлело, что близится утро и только из-за сплошной грозовой облачности этого было до сего момента не видно. В небесной просини появилась небольшая низко стоящая над горизонтом звезда, казалось бы ничем не приметная, не яркая, не способная осветить даже малую толику земной поверхности. Если бы небо сейчас не было повсеместно, кроме маленького окошка, занавешено грозowymi тучами, эта звезда затерялась бы среди тысяч других, куда более ярких, но тут она мерцала в одиночестве, и Иего очистил этот участок неба не случайно. Для осуществления задуманного ему нужно было немного звездного света – крупицу энергии, необходимой ему как бы на заправку миророждения, как маленький кусочек опары запускает процесс брожения в большом объеме теста. Именно эту звезду Иего выбрал не случайно, это была звезда Антарес, центр демонической макробрамфатуры, где силы тьмы и зла царствовали беспредельно, изгнав из этой многомерности все светлые созидательные силы. Мир который Иего намеревался специально создать для заключения в нем печального демона должен был соответствовать его личным частотным характеристикам, иначе изоляция не была бы возможной. Такой энергией, которая была необходима для пространственного пузыря с определенными частотными параметрами обладала только звезда Антарес – утренняя звезда для данных широт, в которых волею случая оказался Иего, вынырнув в про-

странство земли. Дальнейший процесс созидания был понятен только иерофанту такого уровня, как Иего, и никаких подробностей, кроме захвата информэнергии звезды Антарес, имевшемся в ее слабом свечении, мы привести не сможем. Для внешнего наблюдателя это бы выглядело только как медленное погружение Лиловой сферы, в которой был заключен печальный демон в недра земли. На самом же деле в этот момент возникала новая мерность, новый пространственный пузырь, который был надежно изолирован от энрофа земли иными частотными и временными характеристиками. Частоты эти носили в себе изначальные параметры материальности брамфатуры звезды Антарес, как бы объединившись с ней энергоинформационным тоннелем, кротовым ходом, минуя кривизну физического пространства вселенной, и тем самым надежно от нее изолированным. Впрочем, описать как это все выглядело в реальности мы не способны из-за бедности нашего словаря и понятий. Итак, лиловая сфера исчезла и Иего знал, что координатами эта мерность проецируется где-то на ядро физического тела планеты Земля и свойства ядра с его непомерным давлением и температурой наложат определенный отпечаток и на среду самого Дигма – мира в котором сейчас оказался печальный демон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.